

Свобода и прогресс на заре Эпохи Воли. Конфликт двух Просвещений в «атлантической дискуссии» 2025 года

Михаил Минаков ¹

***Аннотация:** В этом эссе речь вице-президента Дж. Д. Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности рассматривается как событие, проявляющее глубокий идейный раскол Запада — раскол между пониманием свободы и прогресса, концепции которых уходят корнями в классическое Просвещение, и пересматриваются в зарождающемся Темном Просвещении. Благодаря анализу идей классических и темных просветителей в этом исследовании показано, как последние бросают вызов либерально-демократическим установкам, пересматривая человеческую природу, свободу и прогресс сквозь техно-авторитарную призму, которая ставит во главу угла иерархическую эффективность, а не эгалитарное участие. Этот вызов может быть еще одним признаком начала новой исторической эры — Эпохи Воли, дискурс которой уже не связан с идеями классического Просвещения.*

Особое внимание в это эссе уделяется философской позиции Питера Тилля, его критике просвещенческого рационализма и альтернативному видению обеспечения свободы с помощью технологического прогресса и корпоративных структур, а не демократических процессов. Эти идеи эффективно транслируются в политическом дискурсе благодаря многолетнему наставничеству Тилля над вице-президентом США Вэнсом. В эссе также показано, как европейская реакция на речь Вэнса соответствует различным философским взглядам: основные представители «либеральных националистов» Европы защищают классические принципы Просвещения, а консервативные комментаторы поддерживают элементы критики Вэнса в отношении иммиграции, институционального ответа на популизм и ограничений на свободу слова.

В конце этого эссе раскрывается то, как именно Темное Просвещение бросает вызов либерально-демократическому правлению, переосмысливая свободу, прогресс и человеческую природу. Этот вызов может быть более значительным, чем евразийские авторитарные альтернативы демократии, поскольку он оперирует привычными для Запада понятиями свободы и прогресса, в реинтерпретации которых продвигается видение общества, управляемого как корпорация, а не как свободное политическое

---

¹ Михаил Анатольевич Минаков — д. филос. н., гостевой профессор Европейского университета Виадрины и профессор Свободного университета. Научные интересы: онтология, политическая философия, история западной философии. Долгое время работал и преподавал в Киево-Могилянской академии. Информация о книгах и статьях М. А. Минакова находится на авторском сайте: <https://www.minakovphilosophy.com/>.

сообщество граждан. Автор предполагает, что выявленное разделение может свидетельствовать о наступлении Эпохи Воли.

Ключевые слова: классическое Просвещение, Темное Просвещение, либеральная демократия, техно-авторитаризм, свобода, прогресс, воля, разум

Распространенная мудрость гласит: в капле воды отражается целая вселенная. Точно так же масштабные исторические трансформации — например, начало Эпохи Воли² в истории Запада — можно увидеть в одной политической дискуссии.

По моему убеждению, речь вице-президента США Джей Ди Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности в 2025 году и последовавшая за ней дискуссия среди западных лидеров и интеллектуалов служат примером такой «капли». Как я покажу далее в этом эссе, в ведущихся дебатах можно разглядеть философское измерение происходящих перемен в основаниях Запада, альянса наций, которые долгое время развивались в рамках либеральной демократии и направляли прогресс всего человечества. Возникновение новых политических течений с сильными идейными основаниями может изменить — и уже, пожалуй, меняет — политическую «природу» Запада как альянса либеральных демократий. Похоже, что мы уже вошли в начальные времена нового исторического периода.

14 февраля 2025 года вице-президент США Джеймс Дэвид Вэнс выступил на Мюнхенской конференции по безопасности с речью, которая потрясла западные общества. Вместо того чтобы сосредоточиться на сотрудничестве в области безопасности и войне в Украине, как того ожидали организаторы и участники форума, Вэнс выступил с язвительной критикой европейской демократии, «предавшей дело свободы». Эту критическую речь и последовавшую за ней реакцию европейских элит можно рассматривать как один их элементов Большого События, в котором Запад как гегелевский исторический субъект демонстрирует свое внутреннее противоречие, обусловленное двумя интерпретациями свободы: одной, вытекающей из классического проекта Просвещения, и другой, связанной с перспективой «Темного Просвещения». Поскольку классическое Просвещение завершилось американской и французской революциями в XVIII веке, темные просветители

---

² Об этом см. визионерскую статью Майи Куле в 1 номере *The Ideology and Politics Journal* за 2025 год (выпуск ожидается в июле 2025 года).

надеются, что новое президентство Дональда Трампа и их приход во власть с его администрацией положит начало второй американской революции³.

Трактовка свободы и прогресса в классическом Просвещении сформировалась в результате долгой, почти трехсотлетней дискуссии с участием философов от Рене Декарта до Иммануила Канта. Из идейного поля она перешла в социальную практику в виде Французской и Американской революций, а еще через полтора столетия — в наборе ценностей, норм и институтов, заложивших основания таким межгосударственным институциям как ООН, Совет Европ или Евросоюз.

Трактовка свободы и прогресса в рамках Темного Просвещения возникла благодаря недавнему интеллектуальному вкладу таких мыслителей, как Кертис Ярвин, Ник Лэнд или Питер Тиль. Сторонники классического Просвещения выступали и выступают за идеи и практики свободы, укорененные в современных либерально-демократических политических и правовых системах. Темные просветители привержены иной интерпретации свободы, которая, как это ни парадоксально, продолжает дело контрпросветителей или философов Франкфуртской школы с критикой в адрес просвещенного разума. Но темные просветители подходят к свободе и разуму принципиально иначе: они — не идеологи-оппозиционеры или академические интеллектуалы, а предприниматели-мыслители, продвигающие новые бизнес- и политико-социальные проекты. Их проекты основаны на опыте применения новейших технологий и разработки радикально контрарного мышления, объединяющего политически реакционные и социально революционные идеи.

Итак, в этом эссе я рассмотрю то, как мюнхенская речь Вэнса и последующие дебаты проявили идейный раскол в основаниях современного Запада. Я начну с краткого изложения идей классиков Просвещения о человеке, свободе, прогрессе, разуме и воле. После этого я покажу, как наследие Просвещения интерпретировалось и применялось в западной мысли и политике. Далее я проанализирую основные концепции темных просветителей, сосредоточившись на бизнес-философии Питера Тила, оказавшей влияние на некоторых видных американских и европейских политиков, интеллектуалов и бизнесменов. Затем я рассмотрю основные аргументы мюнхенской речи Вэнса. Далее я расскажу о первоначальной реакции европейских политиков и интеллектуалов, защищающих или подрывающих наследие Просвещения в форме европейской либеральной демократии. Наконец, в завершение я сравню идеи классического Просвещения с новыми концепциями Темного Просвещения и оценю гипотезу Майи Куле о наступлении новой исторической эры — Эпохи Воли.

---

³ Об этом см.: *Politico*, 2024. Ср. с понятием «трамповской революции» Ивана Крастева (Krastev, 2025). Также ср. с оценкой трампизма как «контрреволюции» у Петра Смоляра (Smoliar, 2025).

1. Взгляды классического Просвещения на свободу и прогресс

Западный либерально-демократический альянс, представленный в настоящее время государствами Северной Америки и Западной Европы, является одним из самых амбициозных политических проектов современной истории. Созданные после ужасов Второй мировой войны, институты Запада черпали свои интеллектуальные основы в европейском Просвещении XVI–XVIII веков. В этом разделе я кратко расскажу о том, как концепции свободы и прогресса эпохи Просвещения сформировали философские основы Запада и все еще продолжают оказывать влияние на его развитие сегодня. Этот анализ поможет нам лучше понять значение альтернативных идей свободы и прогресса темных просветителей.

1.1. Просветительские представления о разуме и прогрессе

Просветительское понимание Европы (и шире — Запада) сформировалось в результате затяжного кризиса, вызванного Реформацией и упадком домодерных универсалистских проектов, представленных Западной Церковью и Империей. После разрушительных религиозных войн и неспособности устаревших универсалистских проектов сохранить свой авторитет на всем континенте, в середине XVII века начало формироваться новое понимание Европы. Пересечение научных открытий, философских инноваций и ранней критики европейского домодерного универсализма ознаменовало начало новой эры в правовых, цивилизационных и культурных определениях Европы и, позже, Запада.

Радикальная перестройка политической мысли в эпоху Просвещения возникла в результате фундаментального сдвига в эпистемологии, инициированного Рене Декартом. Переведя дискуссию с онтологического (что есть истина?) на эпистемологический (в чем я могу быть уверен?), Декарт переместил авторитет истины с трансцендентного (Бог) на имманентное (человек)⁴. Эта антропоцентрическая революция оформила понимание человека как автономного субъекта, наделенного разумом и волей. В результате этого перехода люди превратились из существ, от которых ожидается, что они будут верными Чадами Божьими, в индивидов, от которых требуется действовать как зрелые люди и мыслить самостоятельно, становясь субъектами, ответственными за свою собственную судьбу и общий социальный мир. Во многом философская работа Декарта заложила основу для стремления эпохи Просвещения к освобождению от религиозного авторитета⁵.

---

⁴ См.: Gaukroger, 2011, с. 680; Stünkel, 2024, с. 279.

⁵ Cassirer, 2009 [1932].

Эта переориентация на разум как главную легитимирующую силу способствовала появлению ключевых доктрин Просвещения, включая противоречащих друг другу идей суверена и индивидуальной свободы, абсолютной монархии и представительного правления, верховенства регулярного государства и верховенства права, полномочий абсолютного государя вмешиваться в публичные и частные дела и требования уважать автономию частной жизни с ее религиозной и коммерческой свободами⁶. Эти принципы резко контрастировали друг с другом до второй половины XVIII века, когда мыслители эпохи Просвещения начали оспаривать абсолютную монархию и религиозные преследования неправительственных конфессий. Однако до этого сдвига сторонники Просвещения также способствовали развитию абсолютистских идеалов, которые были далеки от индивидуальной свободы и выступали за ускорение авторитарного прогресса («барабанного Просвещения» по меткому определению Александра Грибоедова).

Важной для Просвещения была мысль Томаса Гоббса, который разработал парадоксальную концепцию свободы, признававшую права личности и в то же время отстаивавшую суверенитет правителя. Несмотря на то, что Гоббс отстаивал абсолютизм суверена, он внес вклад и в развитие фундаментальных аспектов европейской либеральной мысли: прав отдельных граждан, естественного состояния как равенства всех людей и сконструированной природы политического порядка⁷. Приравняв естественное состояние людей к войне всех против всех, Гоббс подчеркивал необходимость перехода к гражданскому состоянию, в котором граждане отказываются от части своих естественных прав и индивидуального суверенитета в пользу «рукотворного бога» государства, правящего суверена. Переход от естественного состояния к гражданскому обществу происходит с помощью общественного договора. В рамках этого договора индивиды передают часть прав суверенной власти, которая обеспечивает защиту и сохранность имущества. Его концепция заложила основы минималистской теории свободы во имя цивилизованности и прогресса, где свобода существует в пространстве, не ограниченном сувереном⁸.

В споре с Гоббсом Джон Локк выступил с решительной защитой свободы индивида, основанной на естественных правах и ограниченном правительстве. Локк известен утверждением, что люди обладают «неотъемлемым правом на жизнь, свободу и собственность», вытекающим как из человеческой природы, так и из труда⁹. В отличие от Гоббса, Локк настаивал на том, что правительство

---

⁶ См.: Böhme & Böhme, 1985; Mueller, 1994; Cassirer, 2009 [1932].

⁷ См.: Hobbes, 1973 [1642], 2016 [1651].

⁸ См.: Gauthier, 1969; Martinich, 2003.

⁹ См.: Locke, 2020 [1689], с. 7, 23; Strauss, 1952.

обязано служить народу, коренным образом изменив понимание отношений между управляемыми и их правительством¹⁰. Согласно его принципу общественного договора, правительство не имеет власти над взглядами и верой человека, устанавливая «естественное право на свободу совести», которое должно быть защищено от властей¹¹. Его теории естественного права и общественного договора оказали глубокое влияние на основополагающие политические документы Запада, включая Декларацию независимости США, Декларацию прав человека и гражданина, принятую Национальным учредительным собранием Франции, а также важные акты ООН, Совета Европы и ЕС¹². Однако, несмотря на влияние теорий Локка, его концепции также использовались для легитимации имперской гегемонии Британии¹³.

Барух Спиноза разработал уникальную концепцию свободы, которая поддерживала детерминистическое видение человека и в то же время защищала свободу индивида. Он концептуализировал хорошо структурированное общество «которое предполагало, чтобы как можно больше людей могли достичь [процветающей жизни] настолько, насколько это возможно»¹⁴. Будучи одним из наиболее радикальных просветителей, он использовал свою теорию о том, что тело и душа — это не отдельные субстанции, а единое целое, тем самым легитимируя ограниченное правительство и общество, «более устойчивое к манипуляциям со стороны религиозных авторитетов, автократии, влиятельных олигархий и диктатуры, а также более демократическое, свободное и эгалитарное»¹⁵. В своих политических трудах Спиноза приводил аргументы в защиту ответственного перед гражданами правления, свободы мысли и самовыражения, а также равенства граждан¹⁶. Защита Спинозой политической свободы, свободы слова и планового переустройства общественной жизни (рукотворного прогресса) предшествовала аналогичным аргументам Монтеスキе и Канта¹⁷.

Развитие Просвещения зависело и от критической мысли неаполитанского визионера-философа Джамбаттиста Вико. В своей книге «Новая наука» (1725) Вико выделил три различные стадии развития общества — Век Богов, Век Героев и Век Людей, — каждая из которых отражает развитие

---

¹⁰ См.: Strauss, 1952; Seagrave, 2015.

¹¹ Locke, 2020 [1689].

¹² См.: Dworetz, 1989; Paul et al., 2005; Mubig, 2009.

¹³ См.: Ivison, 2004; Armitage, 2012.

¹⁴ Spinoza 2018 [1677]: 2.

¹⁵ Israel 2010: 2.

¹⁶ Spinoza 2004 [1670].

¹⁷ Cassirer 2009: 223.

способностей человека к рациональности, воображению и социальной организации. В Век Богов в истории преобладал страх перед сверхъестественным, а общества управлялись примитивными религиями и поэтическим воображением. Институты возникали на основе метафорического мышления, олицетворяя природные явления в виде божеств. Закон и власть проистекали из божественной санкции. На этом этапе разум играл минимальную роль, а поведение людей определялось суевериями и коллективным мифотворчеством.

В Век Героев возникла феодальная система, а обществом управляли воины-аристократы. Социальная структура делилась на патрицианское и плебейское сословия, а законы устанавливались под влиянием героических добродетелей, таких как честь и доблесть. В этом контексте элита использовала разум, в то время как управление плебеями опиралось на традиции.

А Век Людей характеризовался демократическими институтами и рациональным управлением, подчеркивающим равенство граждан и светское право. Однако чрезмерный индивидуализм и абстрактность мышления приводят людей из цикла к циклу к повторяемому моральному упадку, который Вико называет «варварством рефлексии». В этом контексте разум получал чрезмерную власть, отрывался от воображения и ослаблял связи в сообществах.

Эти три Века иллюстрируют взгляд Вико на прогресс как на циклическое взаимодействие между созиданием и упадком, а не линейную траекторию совершенствования в просветительском прогрессе ¹⁸.

Стадии Вико иллюстрируют циклическую модель прогресса, в которой общества восходят к рациональности, но в конечном итоге регрессируют из-за ограниченности разума. В эпоху людей разум обеспечивает самоуправление, но его бесконтрольное господство приводит к отрыву от ценностей сообщества и закладывает основу для будущего упадка. Вико критикует крайний рационализм, утверждая, что гиперрациональные общества становятся раздробленными и склонными к краху. Когда общества достигают «варварства рефлексии», характеризующегося цинизмом, неравенством и институциональным упадком, они возвращаются к первобытному состоянию, тем самым возобновляя исторический цикл.

Таким образом, Вико расходится с рационалистами-просветителями, отвергая линейный прогресс. Для него разум двояк: он позволяет основать автономию субъекта, но при этом же подорвать образное «поэтическое» ядро, питающее культуру, и связи в сообществах. В то время как люди формируют историю с помощью языка и законов, божественное Провидение направляет циклический процесс к моральному обновлению. Стадии Вико подчеркивают его веру в то, что прогресс возникает из напряжения между разумом и

---

¹⁸ См.: Croce, 1913, с. 29–37, 111–117; Pompa, 1975, с. 17–23, 49 и далее; Vico, 2002 [1725].

воображением. Цивилизации процветают, когда творческое мифотворчество и рациональная критика уравновешивают друг друга, — но они терпят крах, когда разум становится полновластным и оторванным от человеческих страстей. Его циклическая модель предвосхищает современную критику рационализма эпохи Просвещения, подчеркивая, что прогресс не является ни неизбежным, ни необратимым.

Шарль де Монтескье рассматривал свободу не как философскую абстракцию, а как практическую политико-правовую цель, обеспеченную разумными институтами. Его теория разделения властей стала основой конституционной демократии. По мнению Монтескье, политической свободе постоянно угрожает испорченная природа людей, склонных к злоупотреблению властью. Не полагаясь на нравственную добродетель человека, он выступал за систему сдержек и противовесов, то есть за разделение и уравновешивание полномочий между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти как средство обеспечения свободы личности.

Монтескье описывал свободу не как независимость индивида, а как свободу в рамках закона, утверждая, что свобода — это право делать все, что разрешают законы¹⁹. Этот принцип, наряду с концепцией разделения властей, породил либеральный конструктивизм классического Просвещения, который в конечном итоге привел к установлению современных либеральных демократий. Однако его определения противоречит республиканской традиции Просвещения, которая устанавливала политическую свободу через самоуправление. По мнению Монтескье, власть народа не тождественна свободе народа²⁰. Тем самым, он настаивал на том, что представительская республика со сдержками и противовесами превосходит древнюю модель прямой демократии. Этот принцип дал ценное понимание современному западному либерализму, объединив свободу с политико-правовым пониманием прогресса человечества, т. е., с расширением юридических пределов свободы²¹. Именно эта интеграция права, свободы и прогресса подвергается нападкам со стороны современных темных просветителей.

Следующей фигурой в генезисе теории свободы и прогресса эпохи Просвещения стал Жан-Жак Руссо. Он обратил внимание на фундаментальный парадокс политической свободы: могут ли индивиды присоединиться к обществу, сохранив при этом свою естественную свободу? Если да, то каким образом? Руссо видел решение проблемы в теории общественного договора, которая переосмысливала идеи Гоббса и закрепила идею «общей воли». По

---

¹⁹ Montesquieu, 1989 [1748], с. 2.

²⁰ Montesquieu, 1989 [1748], с. 6.

²¹ См.: Geenens & Rosenblatt, 2012, с. 4; Callanan, 2018, с. 12-22.

мнению Руссо, свобода возникает через подчинение «общей воле», которая основывается на одном фундаментальном правиле:

«Политический организм — это, следовательно, условное общество, обладающее волей, и эта общая воля, которая всегда направлена на сохранение и на обеспечение благополучия целого и каждой его части, и которая есть источник законов, является для всех членов Государства, по отношению к этим членам и к Государству, мерилом справедливого и несправедливого...

... Одна только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо.»²²

Эта теория превращает свободу из простого невмешательства властей в дела подданных в активное участие в законодательстве с помощью коллективного принятия решений — или даже в тоталитарное требование участия граждан в политических делах²³. Руссо проводит различие между суверенитетом, т. е. властью создавать законы, и правительством, которое обеспечивает исполнение общей воли. Следовательно, суверен воплощает в себе верховенство закона, характеризующееся прямой демократией, а не представительством. Эта доктрина использовалась в радикальной политике во время Французской революции и более поздними тоталитарными революционерами²⁴.

Во многих отношениях Иммануил Кант был мыслителем, завершающим классическое Просвещение в Европе. Он был свидетелем того, как просвещенческие идеи прошли апробацию на практике во время Американской и Французской революций, падения республиканской Речи Посполитой и стабильности монархий, возникновения агрессивной Французской Республики — и всего массива данных о том, как социальная действительность реагировала на попытки ее конструирования с помощью просветительских доктрин. Поэтому, защищая и продолжая наследие своих предшественников, он должен был разработать сложную философскую концепцию свободы, связывающую ее индивидуальное и коллективное измерения²⁵.

Согласно философии Канта, политическая свобода связана с повиновением закону, установленному гражданами для самих себя, тем самым утверждая и реализуя человеческую способность к рациональному законодательству и автономии. Кантовский подход к свободе опирается на два

---

²² Руссо, 1998 [1762], с. 157, 216.

²³ McDonald, 2013.

²⁴ Read, 2018.

²⁵ См.: Höffe, 2004; Cassirer, 2009; Минаков, 2018.

ключевых предположения. Во-первых, человек — это автономный субъект, способный быть свободным и рациональным в своих действиях ²⁶. Во-вторых, свобода человека связана с государственной легитимностью и прогрессом человечества, где рациональные и моральные акторы могут действовать совместно для создания отдельных республик и их мировой федерации ²⁷. Без свободы и мира, которые позволяют рациональной и моральной природе человека выражать себя в индивидуальных действиях и социальных институтах, человечество не может прогрессировать.

Историческая ценность классического Просвещения, как считал Кант, состоит в том, что оно устанавливает состояние, в котором человеческий разум полностью раскрывает свой потенциал и создает политическую организацию совершеннолетних людей, свободных от внешнего контроля.

«Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения.» ²⁸

Согласно Канту, зрелость (или «совершеннолетие») позволяет человеку публично практиковать все человеческие способности. Это требует создания «сообщества космополитических граждан, в котором публичное применение разума свободно во всех вопросах» ²⁹. Таким образом, свобода понимается одновременно как необходимое условие индивидуального, легитимного политического правления и глобального человеческого прогресса.

Отличительной чертой Просвещения, несмотря на все его внутренние противоречия, было видение истории и прогресса в связи со свободой. Просвещение использовало метафоры привнесения света во тьму и порядка в хаос для продвижения идеи, что применение разума может преобразовать мир и создать лучшие социальные системы ³⁰. Модерность, спроектированная и отчасти реализованная просветителями, сама по себе была историческим периодом, нацеленным на демонтаж тех архаических структур, которые

---

²⁶ См.: Guyer, 2003; Deligiorgi, 2012.

²⁷ См.: Höffe, 2004; Guyer, 2015.

²⁸ Кант, 1966 [1784], с. 2.

²⁹ Losonsky, 2001, с. 10.

³⁰ Минаков, 2022, с. 14.

препятствовали прогрессу и свободе ее акторов³¹. Классическое Просвещение представляло собой интеллектуальную практику, которая дала Модерности голос, словарь и присущие ей противоречия. Последние могут привести ее к завершению эпохи — или даже к концу всеобщей истории человечества при реализации достижений технологии массового уничтожения³². Просвещение, несмотря на скептицизм Гоббса и Вико, в конце концов породило оптимистический нарратив, в котором прогресс и рост пространства свободы казалось неизбежным, поскольку разум преодолел суеверия, а либерально-демократические идеалы одержали победу над произволом власти, будь то в результате революций или реформ. И даже если этот оптимизм во многих отношениях был неоправдан, он позволил западной либеральной демократии возникнуть и процветать на протяжении второй половины XX и первой четверти XXI столетий.

Действительно, классическое Просвещение не было однозначным в своем подходе к демократии и организации политической жизни. В нем сосуществовали два различных направления: радикальное Просвещение выступало за политическую свободу и активное участие в политике, в то время как второе, более умеренное направление искало компромиссы между свободой и практичностью, разумом и воображением, индивидом и коллективом, эффективностью власти и балансировкой многообразия³³. Радикальное Просвещение, связанное со Спинозой и Руссо, призывало к фундаментальным изменениям существующих структур власти. Умеренное Просвещение, хотя и поддерживало реформы, стремилось интегрировать эти изменения в существующие социальные системы, а не полностью их разрушить. Несмотря на эти различия, в целом идеи Просвещения ускорили модернизационные процессы сначала на Западе, а затем и во всем мире, изменив подходы к пониманию социальной реальности и политике за последние два столетия³⁴.

1.2. Классическое Просвещение и вопросы воли

Классическое Просвещение положило начало Эпохе Разума, начавшейся в Европе и распространившейся со временем как Модерность по всему миру, и изменило понимание субъектности человека, что отчасти было связано и с разработкой понятия воли, которая, возможно, станет определяющей для истории Запада. Часть истории Просвещения — это дискуссия о соотношении рациональности и воли в контексте соотношения свободы и прогресса. На понимание воли просветителями повлияли более ранние философские и теологические дискуссии, связанные с именами Августина и Фомы Аквинского,

---

³¹ Bauman, 2013.

³² См.: Adorno & Horkheimer, 1997 [1947]; Hughes, 2010; Outram, 2019.

³³ Foucault, 1986.

³⁴ См.: Eisenstadt, 1999, 2005; Minakov, 2022.

но оно было переосмыслено и развито в совершенно новом ключе³⁵. Следуя модели генезиса классического Просвещения, использованной в предыдущем разделе, теперь я рассмотрю место проблематики воли в разных философских подходах классических просветителей.

В рамках своей рационалистической философской системы Рене Декарт описывал волю как свободную, самоопределяющуюся способность, отличную от разума. Для Декарта воля — это способность утверждать или отрицать идеи, представленные интеллектом, но ее свобода заключается в способности остановить работу суждения, если оно ведет к неясным выводам³⁶. В то время как интеллект генерирует ясные и отчетливые представления, воля, согласно Декарту, функционирует независимо. При этом дуализм Декарта позволяет отличать волю как способность ума от телесных механизмов, позиционируя ее как локус человеческой свободы. В «Размышлениях о первой философии» он признает, что ясные выводы разума требуют согласования с волей, тем самым смешивая свободу мыслящего субъекта с рациональной необходимостью³⁷.

Томас Гоббс скептически относился к воле, называя ее «последним влечением» в детерминированной цепи желаний. Находясь под влиянием галилеевского материализма, Гоббс утверждал, что воля управляется внешними причинами и противоречит самости человека. Юрген Оверхофф, исследователь гоббсовской эпистемологии, так определял понимания воли Гоббсом:

«Воля — это всего лишь последнее влечение в цепи размышлений, обусловленное предшествующими симпатиями и антипатиями.»³⁸

Этот механистический взгляд лег в основу и его политической теории, в которой суверенная власть обуздывает конфликтующие воли, чтобы предотвратить общественный хаос. У Гоббса разум способен верно рассчитать средства для достижения целей, но не может выйти за пределы детерминирующих побуждений³⁹.

Джон Локк сформулировал позицию взаимодействия воли и разума, проводя различие между волей (сила действовать вообще) и свободой (сила действовать в соответствии с волей). Воля, движимая «беспокойством» (uneasiness, стремление к отсутствующим благам), умеряется способностью разума приостанавливать «исполнение желаний, чтобы сравнить их с

---

³⁵ См.: Gallagher, 1991; Boulter, 2010; Stepinova, 2011.

³⁶ Petrik, 1990, с. 29 и далее.

³⁷ Descartes, 2008 [1641].

³⁸ Overhoff, 2000, с. 45.

³⁹ Hobbes, 2016 [1651].

другими»⁴⁰. Локк переосмыслил свободу как способность согласовывать волю действовать с рефлексивными суждениями, хотя он и отвергал полную свободу воли⁴¹.

Метафизика Спинозы полностью отвергает свободу воли, представляя ее как иллюзию, возникающую из-за непонимания причинно-следственных цепочек. В «Этике» (1677) он утверждает, что воля формируется под воздействием бесконечного ряда внешних причин:

«В душе нет неограниченной или свободной воли, но душа к желанию того или другого определяется какой-нибудь причиной, которая, свою очередь, определяется другой, а эта опять другой, и так до бесконечности.»⁴²

Согласно теории ошибок Спинозы, люди ошибочно верят в свободу воли, поскольку не осознают до конца причины своих действий⁴³. Его детерминистская система сводит волю к врожденному стремлению к самосохранению, управляемому естественной необходимостью. Для Спинозы моральная ответственность проистекает не из свободы, а из постижения детерминирующих человека законов⁴⁴.

Циклическая теория истории Джамбаттисты Вико определяет волю как коллективную силу, формирующую цивилизации. Его принцип *verum-factum* — «истина создается» — предполагает, что общества создают свою реальность посредством комбинации воображаемых и рациональных действий, объединенных коллективной волей. Он считал, что человеческие институты возникают из «поэтической мудрости», в которой миф и разум сливаются воедино, наполняя волю силой⁴⁵. Три стадии исторического цикла Вико можно понимать как эволюцию воли от мотивации ее божьим страхом к рациональному усилию; при этом он предупреждал, что гиперрационализм Века Людей приводит к «декадансу воли»⁴⁶.

Монтескье, в свою очередь, связывал волю с управляющими страстями, которые структурируют общество. В «Духе законов» он утверждал, что политические системы черпают свою жизненную силу из доминирующих мотиваций. В монархии коллективной волей руководит честь. При деспотизме страх диктует волю. А разум, по мнению Монтескье, кодифицирует

---

⁴⁰ Walsh, 2018, с. 12.

⁴¹ Locke, 1993 [1689].

⁴² Спиноза, 2001 [1677], с. 97.

⁴³ Moauro, 2023, с. 124 и далее.

⁴⁴ Spinoza, 2016 [1677], 4: 4.

⁴⁵ Vico, 2002 [1725], 78.

⁴⁶ Pompa, 1975.

естественные законы, но не может отменить культурные и природные силы, формирующие «общий дух» нации ⁴⁷.

В «Общественном договоре» Жан-Жака Руссо вводится понятие общей воли (*volonté générale*), коллективной силы, выходящей за рамки индивидуальных желаний. Общая воля возникает, когда граждане подчиняют личные интересы общему благу и когда каждый ставит свою личность под верховное руководство общей воли ⁴⁸.

Концепция воли у Руссо объединяет в себе метафизическую свободу, способность к коллективному действию и этическую цель. Во-первых, люди обладают свободой воли как «духовным действием», что отличает их от животных, движимых инстинктами ⁴⁹. Во-вторых, общая воля означает коллективную способность к самоопределению, что обуславливает необходимость участия каждого в общем обсуждении и голосовании ⁵⁰. Наконец, она направлена на общее благо, примиря индивидуальную автономию с общинными нормами, поскольку тот, кто отказывается подчиниться общей воле, должен быть принужден к этому всем «общественным телом» ⁵¹. При этом Руссо критикует гоббсовское отчуждение воли от индивида в пользу суверена, утверждая, что истинная свобода заключается в коллективной автономии ⁵². Однако и Руссо будет подвергнут критике со стороны Канта за недостаточное внимание к автономии индивида.

Иммануил Кант возвел волю в ранг центральной способности практического разума, определив ее как способность к автономии, реализуемой с помощью категорического императива: воля действует из соображений долга, преодолевая склонности, чтобы следовать всеобщему моральному закону ⁵³. Автономная воля Канта отвергает детерминизм, представляя свободу как следование рациональному долгу, то есть истинной природе человеческого существа. Эта моральная рамка отделяет человека от механистической природы, закрепляя этику в ноуменальной самости автономного субъекта ⁵⁴.

Таким образом, для Канта воля тесно связана с практическим разумом и моральным действием. Воля — это способность действовать в соответствии с понятием закона. Добрая воля — единственное безусловное добро,

---

⁴⁷ Montesquieu, 2002 [1748].

⁴⁸ Rousseau, 2004 [1762], с. 16.

⁴⁹ Douglass, 2023, с. 3.

⁵⁰ Swenson, 2024, с. 47.

⁵¹ Rousseau, 2004 [1762], с. 23.

⁵² Douglass, 2023.

⁵³ Kant, 2003 [1785], т. 4, с. 394.

⁵⁴ Schneewind, 2004, с. 163.

мотивированное долгом и моральным законом, а не склонностью или какими-либо внешними причинами. В «Основаниях метафизики нравов» Кант проводит различие между ноуменальной волей (свободной и автономной) и феноменальными действиями (подчиненными естественной причинности). Воля достигает свободы, когда она согласуется с рациональным долгом, а не с желаниями. Воля, направляемая практическим разумом, является источником морального закона и человеческой автономии⁵⁵.

Итак, в эпоху Просвещения воле уделяли внимания не меньше, чем разуму или прогрессу. Однако, воля была «предметом», вызывавшем споры и несогласия: ее понимали в рамках как механистического детерминизма (Гоббс), так и моральной автономии (Кант). Концепция свободного согласия Декарта, рефлексивное отстранение Локка и историческая сила Вико в совокупности подчеркивают роль воли в посредничестве между разумом и устремлением. Детерминизм Спинозы выступал против рефлексивной дистанции Локка, а всеобщая воля Руссо предвосхищала диалектическое единство воли Гегеля в государстве. Эти разработки заложили основу для дебатов о свободе воли, моральной ответственности и политической власти, продемонстрировав непреходящее влияние Просвещения на философскую антропологию в новые и новейшие времена. Однако справедливости ради следует отметить, что, несмотря на значимость воли, именно разум был в центре внимания мыслителей-классиков. Поэтому периоды после Просвещения — периоды империй XIX века, революций и тоталитарных проектов первой половины XX века, а также либеральной демократизации и нынешних трансформаций как верно замечает Майя Куле, представляли собой разные этапы Эпохи Разума. Нынешний же момент, возможно, определяется ослаблением влияния Просвещения на общества Запада и человечества в целом. Эта цезура может существенно изменить ход истории. Она может дать толчок к наступлению Эпохи Воли, в которой связь рациональности с реальным человеком сомнительна, а прогресс независим от публичных институтов и политической свободы.

1.3. Современный Запад и наследие классического Просвещения

Разнообразные просветительские концепции свободы, прогресса и демократии в совокупности трансформировали западную политическую мысль и практику. Эти процессы определяли современную Европу и Запад как договорное объединение государств, принципами которого являются постоянный диалог и мирное разрешение конфликтов внутри сообщества⁵⁶. Это движение к рациональному, мирному западному порядку служило интеллектуальной основой для современных европейских — и шире западных

---

⁵⁵ Kant, 2003 [1785].

⁵⁶ См.: Buchan, 2016; Ghervas, 2021.

— институтов. Оно превратило Европу из простого географического понятия в то, что в конечном итоге стало политическим и правовым сообществом, основанным на общих ценностях и принципах.

Тем не менее, современный Запад неоднозначно относится к наследию классического Просвещения. С одной стороны, в западной философии существуют разногласия в оценке этого наследия, особенно в свете нынешней радикальной волны «деколониального» активизма. С другой стороны, либерально-демократические политические институты Северной Америки и Западной Европы использовали это наследие для легитимации своей глобальной гегемонии, что, пожалуй, противоречит универсалистской основе просветительской мысли. Эта амбивалентность связана и с долгой историей критики Просвещения в пределах самой западной мысли.

1.3.1. Позиция Контрпросвещения

Западная критика Просвещения была сосредоточена на рациональном универсализме и линейности исторического прогресса. Она возникла благодаря усилиям таких мыслителей Контрпросвещения, как Иоганн Готфрид Гердер, Иоганн Георг Гаманн и Фридрих Генрих Якоби, а также философам XIX века, прежде всего Артуру Шопенгауэру и Фридриху Ницше. Эти критики оспаривали веру Просвещения в автономию рационального субъекта и телеологический прогресс, вместо этого подчеркивая значение воли — коллективной, иррациональной или экзистенциальной, — как силы, которая противостоит абстракции и механистическому детерминизму, характерным для мысли Просвещения.

Например, Гердер отвергал универсализм Просвещения, утверждая, что человеческий разум не автономен, а переплетен с культурным контекстом, языком и эмоциями. Для Гердера разум — это не абстрактная, лишенная самостоятельности способность; он возникает в результате взаимодействия воли, чувств и традиций, а значит не может быть не только автономным, но и универсальным⁵⁷. Он критиковал европоцентризм Просвещения, который изображал неевропейские общества как «отсталые», скрывая при этом моральные противоречия самой Европы. Гердеровская концепция культурной воли — коллективного стремления народа сохранить свою уникальную идентичность — противостояла гомогенизирующей рациональности Просвещения⁵⁸. Он отвергал и нарратив прогресса как европоцентристский миф, утверждая, что каждая культура обладает своей собственной «мерой счастья», несводимой к универсальному рациональным мерилам⁵⁹.

---

⁵⁷ Ventura, 2023, с. 162.

⁵⁸ Herder, 2023 [1774], с. 351 и далее.

⁵⁹ Ventura, 2023, с. 163 и далее.

Критика Гаманна была сосредоточена на просветительской стратегии, утверждавшей верховенство разума над верой и традицией. Он утверждал, что разум, оторванный от жизненного опыта и божественного откровения, становится инструментом господства. В своем ответе на кантовский текст «Что такое Просвещение?» Гаманн интерпретировал понятие незрелости (Unmündigkeit, несовершеннолетие) как повод для установления просветительской опеки (Vormundschaft) над человечеством, утверждая, что рационалисты всего лишь заменили церковные догмы новой ортодоксией «автономного» разума⁶⁰. Для Гаманна человеческая воля должна быть в центре внимания, поскольку она коренится в страсти и вере, а не в абстрактной и безжизненной рациональности⁶¹. Он отвергал индивидуализм Просвещения, подчеркивая вместо этого относительный и связанный с сообществами характер человеческой деятельности.

А Якоби утверждал, что рационализм Просвещения, особенно кантовская трансцендентальная философия, неизбежно ведет к нигилизму. Он утверждал, что требование систематичности подрывает и основы разума, и основания моральной и экзистенциальной уверенности⁶². Изменив формулировку из первой «Критики» Канта, Якоби утверждал, что воля, понимаемая как «прыжок веры», имеет решающее значение для утверждения истин, выходящих за рамки разума:

«Я должен изгнать знание, чтобы освободить место для веры.»⁶³

Эта волюнтаристская перспектива бросала вызов мировоззрению Просвещения, утверждая, что свобода и смысл жизни человека зависят от предрациональной укорененности в социальный мир.

Позже, уже в XIX веке, Артур Шопенгауэр и Фридрих Ницше продолжили дело критики Просвещения. Шопенгауэр усилил критику просветительского оптимизма, представив концепцию воли как слепой, иррациональной силы, управляющей всем бытием. Он отвергал идею исторического прогресса как фикцию, утверждая, что разум подчинен ненасытному стремлению воли:

«... [В]оля как вещь в себе лежит вне сферы закона основания во всех его видах, и она поэтому совершенно безосновна, хотя каждое из ее проявлений непременно подчинено закону основания. Далее, она свободна от всякой множественности, хотя проявления ее во времени и пространстве бесчисленны; она сама едина, но не так, как один объект, единство которого познается лишь из контраста возможной множественности, не так, как

---

⁶⁰ Berlin, 2020, с. 23 и далее.

⁶¹ См. об этом: Alexander, 2012, с. 2.

⁶² Maftei, 2013, с. 293.

⁶³ Jacobi, 2013 [1785], с. 287.

едино понятие, которое возникает лишь через абстрагирование от множества.»⁶⁴

Для Шопенгауэра акцент Просвещения на разуме и прогрессе скрывал господство страданий и желаний над человечеством. Его философия предвосхитила позднейшие положения Фрейда о бессознательном, в том числе в деле оспаривания рационалистической антропологии Просвещения⁶⁵.

Ницше продолжил дело критики Просвещения, отвергая пессимизм Шопенгауэра. Он переосмыслил волю как волю к власти — динамичную, жизнеутверждающую силу, которая преступает рамки морали и рациональности. При этом Ницше критиковал Просвещение за то, что оно затормозило свой собственный проект и не смогло полностью разрушить религиозные догмы. Он, в частности, считал, что кантовская критика религии была недостаточной и Просвещение нужно радикализировать с помощью переоценки всех ценностей⁶⁶. Он также отвергал линейный прогресс как представление из набора «рабской морали», вместо этого выступая за такой подход к пониманию истины, который приветствовал бы ее противоречивость и многообразие. В конце концов Ницше направил понятие «воля к власти» для подрыва универсализма Просвещения, утверждая, что «фактов не существует, есть только их интерпретации»⁶⁷.

Мыслители Контрпросвещения и их преемники подрывали два столпа, на которую опиралось Просвещение, — разум и прогресс, переключив внимание философии на волю как проявление культурной идентичности (Гердер), веры (Гаманн), экзистенциальной укорененности (Якоби), иррационального стремления (Шопенгауэр) и творческой силы (Ницше). Их критика обнажила «слепые пятна» в оптике Просвещения, среди которых были пренебрежение культурной спецификой, слепота к силе страстей и неспособность противостоять нигилизму. Отдавая предпочтение воле, а не разуму, контрпросветители указали на пределы автономии рационального субъекта и изменили современные дебаты о человеческой субъектности.

1.3.2. Критика Просвещения со стороны Франкфуртской школы

Другой случай западной критики Просвещения связан с социальной теорией Франкфуртской школы. Работа Франкфуртской школы связана с пересмотром основных просветительских концепций — разума, прогресса и человеческой субъектности. В работах Макса Хоркхаймера, Теодора Адорно, Герберта Маркузе, Юргена Хабермаса и Акселя Хоннета была представлена

---

⁶⁴ Шопенгауэр, 1992 [1818], с. 12.

⁶⁵ Gemes & Janaway, 2012, с. 296.

⁶⁶ Nietzsche, 2023 [1882], с. 112.

⁶⁷ Nietzsche 2023 [1882]: 267

нюансированная критика противоречий Модерности, показавшая то, как идеалы Просвещения зачастую превращались в механизмы господства и отчуждения.

Так, например, в книге «Диалектика Просвещения» (1944) Хоркхаймер и Адорно утверждают, что разум эпохи Просвещения, первоначально служивший инструментом освобождения человечества от мифов и суеверий, превратился в источник инструментальной рациональности — системы господства, которая сводит индивидов и природу к объектам контроля. Они писали:

«С давних пор просвещение в самом широком смысле прогрессивного мышления преследовало цель избавить людей от страха и сделать их господами. Но наконец-то просвещённая планета воссияла под знаком триумфирующего зла.»⁶⁸.

Их критика сосредоточена на трех главных недостатках Просвещения: инструментальном разуме, мифе о прогрессе и затмении воли. В просвещенную эпоху Модерна разум становится инструментом эффективности и господства, примером чему служит капиталистическая коммодификация культуры и подъем «индустрии культуры», которая стандартизирует массовые развлечения, чтобы утихомирить критическое мышление. Более того, линейный нарратив Просвещения о прогрессе маскирует регрессию к варварству, как это видно на примере Холокоста и тоталитарных режимов⁶⁹. Прогресс приравнивается к контролю над человеком, а не к его освобождению⁷⁰. Наконец, индустрия культуры подрывает индивидуальную волю, заменяя подлинную самостоятельность соответствием заранее заготовленным желаниям⁷¹. В XX веке Просвещение реализовало и показало свою темную сторону, и франкфуртская критическая теория должна была противостоять катастрофическому характеру Модерна, защищая его светлые дары.

Маркузе в своей книге «Одномерный человек» (1964) развил эту критику, диагностировав «репрессивную толерантность» современности, в которой технологическая рациональность подавляет инакомыслие, приравнивая свободу к потребительскому выбору. Он утверждал, что люди узнают себя в «любимых товарах», находя «свою душу в своем автомобиле»⁷². Маркузе отмечал, что инструментальный разум устанавливает эффективность как высшую ценность, сводя рабочих к простым винтикам в промышленных

---

⁶⁸ Хоркхаймер & Адорно, 1997 [1944], с. 1.

⁶⁹ Horkheimer & Adorno, 1997 [1944], с. 94.

⁷⁰ Adorno, 2006, с. 147.

⁷¹ Horkheimer & Adorno, 1997 [1944]. с. 106.

⁷² Marcuse, 1964, с. 9.

машинах и рассматривая природные ресурсы как просто сырье. Это создает условия, которые ведут к жизни, наполненной «ложными потребностями». Капитализм порождает желания, которые увековечивают отчуждение, оставляя людей неспособными представить себе альтернативы. Рациональность эпохи Просвещения, воплощенная в капитализме, вместо того чтобы способствовать освобождению, усугубила неравенство и поощрило деградацию окружающей среды посредством бесконтрольной индустриализации ⁷³.

Юрген Хабермас перенес критику Модерна со скептической платформы на оптимистическую. Он делал упор на защиту эмансипационного потенциала Просвещения, предложив вместо инструментальной рациональности коммуникативную, которая устанавливает отношения диалога, а не господства и подчинения. В «Теории коммуникативного действия» (1984) Хабермас установил различие между инструментальной рациональностью (т. е. действиями, которые используют других людей как средства для достижения цели) и коммуникативной рациональностью (дискурсом, направленным на достижение консенсуса между людьми) ⁷⁴. Он утверждал, что Просвещение и ведомая ею эпоха Модерности остаются «незавершенными», и сохраняют потенциал для развития демократизирующих институтов чтобы противостоять колонизации капитализмом жизненного мира — сферы воспроизводства культуры и социальной интеграции ⁷⁵.

Тон Хабермаса поддерживает и Аксель Хоннет, который создал критическую теорию интерсубъективного признания. Он утверждает, что индивидуализм эпохи Просвещения пренебрегает реляционной основой свободы. В книге «Право на свободу» (2014) Хоннет критикует сведение свободы к политико-юридическим и экономическим рамкам, отстаивая вместо этого социальную свободу — коллективное самоопределение через взаимное признание ⁷⁶. В других своих работах он рассматривает патологии прогресса, которые позволяют капиталистическим рынкам эксплуатировать социальные отношения и подрывать солидарность ⁷⁷. Кроме того, Хоннет переосмысливает волю как «признающую волю»: истинную субъектность, возникающую благодаря взаимному признанию людей и сообществ ⁷⁸. Однако все его критические замечания в отношении просветительского наследия носят конструктивный характер и направлены на исправление Модерности,

---

⁷³ Там же, с. 5, 146, 220.

⁷⁴ Habermas, 1984, с. 10,

⁷⁵ Habermas, 1987, с. 318.

⁷⁶ Honneth, 2014, с. 36.

⁷⁷ Honneth, 2017, с. 25.

⁷⁸ Honneth, 1995, с. 173.

демократии и капитализма в соответствии с «истинным посланием» классического Просвещения.

В долгосрочной критике Просвещения Франкфуртская школа раскрыла двойственную природу Модерности. Тут разум превратился из средства освобождения в механизм контроля. Тут прогресс маскировал регресс, разрушение окружающей среды, распространение авторитаризма и углубление отчуждения. И тут же безличная воля капитала доминировала над свободой человека, задействуя консюмеризм (Адорно), технократию (Маркузе) или рыночную логику (Хоннет). Тем не менее Хабермас и Хоннет предложили пути исправления Модерна с помощью принятия коммуникативного действия и признание справедливости, оставаясь при этом критиками узких оснований просветительского универсализма.

1.3.3. Применение наследия классического Просвещения западными либеральными институтами

Основные принципы Просвещения — разум и прогресс, а также верховенство закона и свобода — оказали глубокое влияние на правовые и институциональные основы западных обществ, включая политические и правовые системы США, Европейского союза (ЕС). Совета Европы (СЕ) и их стран-членов. Эти организации и страны утверждают, что воплотили ценности Просвещения в своих нормах, практиках и структурах управления, демонстрируя как преемственность с философской мыслью XVI–XVIII веков, так и ее адаптацию в современных реалиях.

Например, Конституция США и Декларация независимости являются прямыми результатами просветительской мысли, в частности локковского либерализма и классического республиканизма⁷⁹. Декларация независимости основана на идее Локка о естественных правах⁸⁰, описывая правление как реализацию общественного договора посредством ответственного перед своими гражданами правительства. Конституция США устанавливает разделение властей, предусмотренное Монтескье, и равновесие прав властей и индивидуальных свобод⁸¹. Основанная Франклином Филадельфийская академия (впоследствии Пенсильванский университет) делала акцент на неконфессиональном образовании, отражая скептицизм Просвещения по отношению к институционализированной религии⁸². Классический республиканизм, человеческим воплощением которого, как многие верят, был Джордж Вашингтон, подчеркивал необходимость гражданской добродетели и

---

⁷⁹ См.: Reck, 1991; Israel, 2013.

⁸⁰ Jefferson, 2007 [1776].

⁸¹ Kidd, 2024.

⁸² Там же.

демократии участия, отвергая наследственные привилегии в пользу меритократического правления⁸³. Наконец, «Записки Федералиста» еще больше закрепили и распространили идеалы Просвещения в североамериканских колониях, выступая за централизованное, но ограниченное правительство, не имеющее возможности стать тиранией⁸⁴. Все эти процессы были важнейшими элементами Американской революции, которая реализовала просветительский проект в Северной Америке⁸⁵. Связь между принципами Просвещения и политико-правовой системой США имеет решающее значение для самопонимания американской демократии, ее идентичности и институциональной мифологии⁸⁶.

Точно также основополагающие договоры и политика ЕС воплощают идеи Просвещения⁸⁷. Например, Статья 2 Договора о Европейском Союзе (ДЕС) устанавливает верховенство закона, демократию и права человека в качестве необсуждаемых принципов. Правовая база ЕС подчеркивает правовую определенность, равенство перед законом и недопущение произвола, отражая критику абсолютной власти со стороны просветителей⁸⁸. Опора ЕС на технократические институты (например, Европейскую Комиссию и Суд Европейского Союза) отражает доверие просветителей к экспертным знаниям и разработке политик на основе рационально обработанных фактических данных. Такие механизмы, как Европейский семестр, координируют экономическую политику стран-членов, способствуя прогрессу с помощью рационального планирования⁸⁹. Наконец, внимание ЕС к «плюрализму, недискриминации и толерантности» (ДЕС, ст. 2) отражает локковские и вольтеровские идеалы религиозного и культурного сосуществования.

Еще одним западным институтом, связанным с Просвещением, является упомянутый выше Совет Европы. Совет Европы реализует ценности Просвещения через механизмы Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) в 46 странах-членах. ЕКПЧ кодифицирует свободы слова, собраний и религии, которые коренятся в идее Просвещения о присущем человеку достоинстве⁹⁰. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) обеспечивает соблюдение этих прав, предоставляя средства правовой защиты от чрезмерного

---

⁸³ Israel, 2013

⁸⁴ Hamilton et al., 2016 [1787–1788].

⁸⁵ См.: Potofsky, 2002; Wood, 2006.

⁸⁶ Greeson, 2013.

⁸⁷ Ghervas, 2021.

⁸⁸ См.: Consilium, 2024; Council of Europe, 2021.

⁸⁹ Consilium, 2024.

⁹⁰ См.: Von Kulesa & Seth, 2017; Delanty & Plant, 2019.

вмешательства государства ⁹¹. Венецианская комиссия способствует развитию демократического конституционализма, консультируя государства по вопросам приведения их законов в соответствие с такими просветительскими принципами, как разделение властей и независимость судебной власти. Ее внимание к «предотвращению злоупотребления властью» напрямую основан на идеях Локка, Монтескье и Канта ⁹². Упор СЕ на транснациональный диалог и образование отражает веру Кондорсе и Канта в улучшение общества через совместное использование знаний ⁹³.

Торжество просвещенного разума ведущего человечество по пути прогресса находит современное выражение в рационалистическом, технократическом подходе, который часто ассоциируется с отдельными институтами Европейского Союза. Например, исследовательская программа Европейской Комиссии «Просвещение 2.0» прямо признает эту связь с наследием классического Просвещения, стремясь «понять различные движущие силы, влияющие на принятие политических решений в XXI веке»⁹⁴. В этой программе признается, что в эпоху Просвещения «наука стала стандартом знания» и «ее задача расширилась от понимания мира природы до понимания нашего места в этом мире, а затем до изменения мира и нашего места в нем» ⁹⁵. Эта вера в способность рационального исследования решать социальные и политические проблемы остается центральной в европейском подходе к управлению.

Нормативная база, политико-правовая идентичность и идеологическое самовосприятие США, ЕС и СЕ иллюстрируют, как идеалы Просвещения до недавнего времени занимали центральное место в эволюции Запада. В то время как США ставят во главу угла индивидуальную свободу и республиканское самоуправление, ЕС и СЕ делают акцент на коллективной безопасности и универсальных правах в рамках либерально-демократической правовой и политической системы. Однако все три актора борются за соблюдение своих фундаментальных принципов в конфликте с растущим влиянием неолиберализма и консерватизма, что подчеркивает как устойчивость, так и уязвимость форм правления, основанных на вере в разум и прогресс. Более того, альтернативные идеи Темного Просвещения принимают опыт критики просветительских принципов и практики их амбивалентного применения в модерном капитализме, и прикладывают из своим собственным, оригинальным находкам, становясь фактором, способным изменить

---

⁹¹ См.: Council of Europe, 1949; Potter, 1949; Benoît-Rohmer & Klebes, 2005.

⁹² Benoît-Rohmer & Klebes, 2005.

⁹³ Council of Europe, 2021.

⁹⁴ European Commission, 2024.

⁹⁵ Там ж

политическую культуру и нормативные основы Запада. Такие изменения, безусловно, могут стать Большим Событием — исторической цезурой, порывающей с классическим Просвещением и начинающей Эпоху Воли (как предполагает Майя Куле).

2. Темное Просвещение

Темное Просвещение, которое в либеральной прессе называют «неореакционным движением» (или NRx), представляет собой довольно пестрое интеллектуальное движение с заметными антидемократическими и радикально либертарными идеями, возникшее в американском корпоративном секторе в начале XXI века (Smith & Burrows, 2021). Его истоки — в публицистике Кертиса Ярвина, американского инженера-программиста, который многие годы вел блог под псевдонимом «Mencius Moldbug» и вещал на аудиторию, включающую англоязычные группы программистов и цифровых стартаперов, часть которых со временем стали «капитанами цифровой экономики». Принято считать, что его мысли подтолкнули британского философа Ника Лэнда к развитию стройной философской системы, названной им самим «Темным Просвещением». Их философско-идеологические воззрения в корне противоречат идеалам классического Просвещения — свободе и прогрессе, обеспеченными политико-правовыми системами, которые основаны на практиках верховенства права, либеральной демократии и регулярного государства. Это движение не отрицает важность свободы и прогресса, но предлагает свой собственный, альтернативный взгляд на них, как и на человека — носителя свободы и движителя прогресса. Одновременно это философское направление отрицает ценность достижения классического Просвещения, утверждая, что либерально-демократические системы с их процедурно-правовыми ограничениями по своей сути ведут к деградации и порабощению человечества, а не к его прогрессу и эмансипации. Провокационное утверждение Лэнда о том, что «демократия не просто обречена, она сама и есть роком», выражает эту макроисторическую точку зрения⁹⁶. Таким образом, Темное Просвещение продолжает дело Контрпросвещения и, в некоторой степени, использует аргументы Франкфуртской школы⁹⁷ против социальных результатов применения просвещенного разума. Однако Темное Просвещение, похоже, гораздо активнее продвигает политические изменения и обладает значительными ресурсами для реализации своего проекта в рамках обещанной Второй Американской революции.

---

⁹⁶ Land, 2012.

⁹⁷ О связях между Тилем и Франкфуртской школой см.: Giesen, 2018; Weigel, 2020; Lewis-Kraus, 2025.

Несмотря на внутренне разнообразие мыслителей, позиций и идей Темного Просвещения, общим основополагающим принципом этого направления можно назвать отказ от либеральной демократии как ошибочного, по мнению его приверженцев, пути к историческому прогрессу и большей свободе. Вместо этого темные просветители выступают за новые формы правления, объединяющие архаичные иерархии с гиперсовременными технологиями и моделями корпоративного лидерства. Эта философия возникла благодаря характерному сочетанию влияний, включая консервативную реакционную и революционную политическую мысль, некоторые тенденции в объект-ориентированной онтологии (ООО)⁹⁸, технологический детерминизм, цифровой анархизм и элементы национализма, переосмысленного как «человеческое биоразнообразие»⁹⁹.

2.1. Ключевые мыслители

Темное Просвещение — довольно условное название для группы мыслителей и практиков в американском и даже западном корпоративном — в основном, «цифровом» — секторе. Несмотря на эту условность, это движение имеет философское основание и политическое влияние в США и ряде других стран Запада.

Одним из центральных философско-политических концептов Темного Просвещения является «Собор», которое Ярвин определяет как неформальное объединение университетов и основных средств массовой информации, совместно формирующих общественное мнение и навязывают леволиберальную прогрессивистскую «ортодоксию». По мнению Ярвина, этот «Собор» представляет собой неизбежную властную структуру либеральной демократии, которая эффективно контролирует американское общество — и Запад в целом — посредством культурного и интеллектуального доминирования.

«Хотя функциональная демократия (когда подданные являются правящими чиновниками, а даже постоянные штатные сотрудники правительства — их послушными государственными слугами) возможна, функциональная демократия исторически встречается редко. Большинство так называемых демократий являются таковыми лишь формально, а те немногие исторические исключения на самом деле работают довольно плохо. Один из тестов для них — это ответ на вопрос, могут ли так

---

⁹⁸ По этому конкретному вопросу — связи между ООО и Темным Просвещением — данных пока мало. Но некоторые связи установлены в следующих исследованиях: Hewitt, 2014; Gevorikyan & Segovia, 2020. Эти взаимосвязи еще предстоит тщательно изучить, поскольку ООО изначально делало сильный акцент на свободе и даже демократическую повестку дня (Bryant, 2023).

⁹⁹ См.: Hendlin, 2023, с. 318; Gilroy, 2019, с. 4.

называемые хозяева заменить своих так называемых слуг. Если это невысказано, то слуги могут управлять хозяевами.»¹⁰⁰

Ярвин и подобные ему мыслители утверждают, что система «соборного» типа поддерживает вредные леволиберальные прогрессивистские ценности, которые продвигают «транс- и ЛГБТК+ повестку», «воукизм», «зеленый переход», «замещение населения» и подавляющие при этом альтернативные взгляды на прогресс и свободу и, таким образом, сдерживающие саму свободу с прогрессом¹⁰¹.

Политическая часть Темного Просвещения воплощена в идеологии NRx и уникальным образом сочетает архаичные модели управления с технологическим утопизмом Кремниевой долины, представляя то, что некоторые аналитики называют «техно-авторитаризмом». Это видение предполагает общество, возглавляемое «генеральным директором» (СЕО) в рамках строго иерархичной вертикально-интегрированной структуры, напоминающей корпоративную организацию Кремниевой долины. Основная предпосылка заключается в том, что либерально-демократические системы, ориентированные на равенство и представительство, по своей сути ограничивают свободу поиска и предпринимательства, и таким образом — задерживают технологический и социальный прогресс. В противоположность этому мыслители Темного Просвещения одобряют правление интеллектуальной и технологической элиты, которая, как считается, обладает волей к власти и превосходными способностями к принятию эффективных решений, ускоряющих прогресс¹⁰².

Питер Тиль, предприниматель-миллиардер, венчурный капиталист, влиятельный консервативный мыслитель и политический донор, стал, пожалуй, самым влиятельным интеллектуальным — и даже философским — сторонником Темного Просвещения в американском политическом ландшафте. Его интеллектуальный путь прошел эволюцию от экономического и социального либертарианства к техно- и христианскому авторитаризму. Знаменитое эссе Тила, опубликованное в 2009 году в журнале *Cato Unbound*, содержит декларацию, которая стала лозунгом этого движения

«Я больше не верю, что свобода и демократия совместимы.»¹⁰³

Политическая деятельность Тила выходит за рамки собственно *теоретического* взаимодействия с этими идеями. Он стратегически

---

¹⁰⁰ Yarvin, 2022.

¹⁰¹ См. прежде всего блоги за авторством Mencius Moldbug 2018-2020 годов, а также книгу Ланда «Темное Просвещение» (Land 2022).

¹⁰² Burrows, 2024.

¹⁰³ Thiel, 2009.

финансирует многочисленных интеллектуалов, активистов и коммуникационные платформы Темного Просвещения, создавая сеть влияния, которая формирует и распространяет современную консервативную мысль в корпоративном секторе, среди общего населения и в элитных группах. Его связь с Кертисом Ярвином была особенно заметной: Тиль оказывал финансовую поддержку технологическим проектам Ярвина через свою венчурную компанию Founders Fund¹⁰⁴. Эти связи подчеркивают, как именно идеи Темного Просвещения получили распространение не только на малоизвестных интернет-форумах, но и благодаря прямой финансовой поддержке со стороны одного из самых успешных американских технологических предпринимателей. И в этом направлении мысль не отрывается от практики, запуская необычный рекационнo-революционный праксис.

2.1.1. Взгляды на человека

Темных просветителей объединяет пессимистическая антропология, которая ставит под сомнение предположения классических просветителей и современных либералов о способности каждого человека выносить разумные суждения и действовать эффективно вместе с равными им согражданами. Неомонархическое видение политики Кертиса Ярвина отражает глубокий скептицизм в отношении коллективного принятия решений человеком, рассматривая демократическое политическое сообщество как восприимчивое к манипуляциям и иррациональности. Его предложения прямо отвергают идею о том, что рядовые граждане обладают способностью адекватно мыслить и принимать участие в управлении; в силу этого, он выступает за правление технократических элит в рамках корпоративных структур. Эта перспектива отказывается от «демократической веры в коллективную мудрость» в пользу веры в «иерархическую компетентность»¹⁰⁵.

Философский путь Ника Лэнда демонстрирует все более негативный взгляд на человеческую деятельность. Его акселерационистская перспектива отказывает человеку в автономии и подчиняет его решения технологическим и рыночным силам, которые, по его мнению, должны действовать без демократических политических ограничений. Поздние работы Лэнда включают в себя явно антиэгалитарные позиции, включающие, в том числе, элементы расизма и евгеники, которые ставят под сомнение просветительский (и либеральный) тезис о равенстве людей. Его философия отрицает автономию субъекта в пользу бесчеловечного технологического ускорения¹⁰⁶.

Взгляд Питера Тили на человека проявляется прежде всего в его критике демократического правления. В своем эссе 2009 года «Воспитание

---

¹⁰⁴ Fine, 2024.

¹⁰⁵ Yarvin, 2025.

¹⁰⁶ См., например, его аргументы в: Land, 2024, p. 7–8.

либертарианца» Тиль назвал «получателей социального обеспечения и распространение права голоса на женщин» тем, что превратило «капиталистическую демократию» в «оксюморон»¹⁰⁷. Это заявление сопровождается тезисами в пользу иерархической антропологии, которая ставит под сомнение идею того, что все люди обладают равной способностью к рациональным экономическим и политическим суждениям.

2.1.2. Понятие свободы

Темные просветители фундаментально переосмысливают свободу, отдавая предпочтение негативному определению свободы в ее связи с технологическим прогрессом перед демократическим участием и государственной бюрократией. Для Ярвина свобода парадоксальным образом возникает благодаря авторитарным структурам правления, которые устраняют неэффективность демократических процессов. Его «неокамералистское» видение правления предполагает существование суверенных акционерных корпораций, управляемых СЕО-монархами, которые обеспечивают свободу как «право на выход» — то есть, право «резидентов» «проголосовать ногами», перейдя в конкурирующую структуру управления — своего рода новый крепостнический Юрьев День¹⁰⁸. В этой концепции свобода рассматривается не как демократическое право голоса, а как потребительский выбор между конкурирующими продуктами управления.

Также и Лэнд отдает приоритет «выходу» резидента, а не «голосу» гражданина, прямо заявляя свой политический идеал: «Никакого голоса, свободный выход». Эта формулировка, заимствованная у немецко-американского политэконома Альберта Хиршмана, отвергает демократическое участие («голос») в пользу возможности покинуть неудовлетворительные системы правления («выход»)¹⁰⁹. Философия акселерационизма Лэнда рассматривает демократические механизмы как препятствия не только для прогресса и роста, но и для свободы. Демократия не есть проявление свободы: демократическая и эгалитарная политика лишь замедляет ускорение и «технокапиталистическую сингулярность»¹¹⁰. Настоящая свобода возникает благодаря неограниченному технологическому и капиталистическому развитию, а не демократической делиберации.

Концепция свободы Тили наиболее отчетливо выражена в его манифесте 2009 года, где он выступает за создание новых пространств для личной свободы,

---

¹⁰⁷ Thiel, 2009.

¹⁰⁸ Yarvin, 2025; также см.: Yarvin, 2015, 2016.

¹⁰⁹ Hirshman, 1970.

¹¹⁰ Land, 2024.

которые не могут контролировать правительства ¹¹¹. Это видение ищет свободу не в демократических реформах, а в полном освобождении от политических ограничений. Тиль считает, что «судьба нашего мира может зависеть от усилий одного человека, который создаст или распространит машину свободы» — концепция, согласно которой свобода заключается в индивидуальных технологических инновациях, а не в коллективных политических действиях ¹¹².

2.1.3. Критика либеральной демократии

Все три мыслителя яростно критикуют либеральную демократию, ставя под сомнение ее фундаментальную легитимность. Так, например, Ярвин выделяет фатальные, по его мнению, недостатки демократических систем: бюрократическую неэффективность, подверженность капризному популизму, краткосрочность планирования и фрагментированность власти. Его альтернативное неомонархическое видение предлагает централизованную верховную власть, реализуемую суверенным исполнительным органом с абсолютным контролем за администрацией, аналогичным функционалу корпоративному гендиректору. В такой системе правление деполитизировано и ориентировано исключительно на эффективность, технократический надзор и отказ от избираемости правительства ¹¹³. Эта модель прямо отказывается от демократического правления в пользу корпоративных структур управления.

Ник Лэнд проводит критику демократии и наиболее ярко эта критика проявляется в его утверждении, что «демократия стремится к фашизму» ¹¹⁴. Его политическая философия прямо противопоставляет себя эгалитаризму и рассматривает демократию как ограничение свободы и отказ от ответственности. Акселерационизм Лэнда — то есть, позиция, которая призывает к резкой интенсификации капиталистического роста, технологических изменений и радикальным социальным преобразованиям, называемым «ускорением» (acceleration) — рассматривает либерально-демократические институты как препятствия для технологического развития и трансформационного потенциала капитализма. Его восхищение техноавторитарными политическими системами, например, китайской, показывает, что он предпочитает модели управления, в которых технологический прогресс приоритетнее демократического участия ¹¹⁵.

Разочарование Тила в либеральной демократии проистекает из понимания политики как источника постоянного социального конфликта:

---

¹¹¹ Thiel, 2009.

¹¹² Thiel, 2009, с. 191.

¹¹³ Yarvin, 2015.

¹¹⁴ Land, 2016.

¹¹⁵ Land, 2016.

«Я считаю, что политика слишком напряжена. Вот почему я либертарианец. Политика злит людей, разрушает отношения и поляризует их видение: мир — это мы против них; хорошие люди против других. Политика — это вмешательство в жизнь других людей без их согласия. Возможно, именно поэтому в прошлом либертарианцы добились незначительного прогресса в политической сфере. В этой связи я выступаю за то, чтобы направить энергию в другое русло, на мирные проекты, которые некоторые считают утопическими.»¹¹⁶

Политика как таковая устанавливает государственные рамки, а либеральная демократия усугубляет негативный эффект политических рамок, накладывая процедурно-правовые ограничения на экономический и технологический прогресс.

2.1.4. Общее техно-авторитарное видение

Несмотря на многообразие взглядов и идей, темные просветители сходятся еще и в понимании своей миссии отстаивать свободу и прогресс, предлагая техно-авторитарную перспективу, в которой эффективность, технологический прогресс и иерархическое управление ставятся во главу угла. Так, все трое вышеназванные фигуры восхищаются авторитарным лидерством и рыночно-ориентированными моделями правления, которые поддерживают технологический прогресс. Они предпочитают корпоративные структуры управления вместо институтов демократического правления, считая, что централизованное и эффективное принятие решений дает лучшие результаты, чем демократическая делиберация и организованная бюрократия.

Это видение в корне пересматривает отношения между человеком и государством. Вместо того чтобы рассматривать граждан как коллективных участников управления с помощью демократических средств, люди рассматриваются как потребители, выбирающие между конкурирующими государственными сервисами и продуктами (Ярвин), катализаторы или носители технологического прогресса (Лэнд) или потенциальные «великие люди», которые могут создать новые пути для свободы вне политических ограничений (Тиль). Каждая из этих точек зрения умаляет либерально-демократическую власть в пользу рыночных механизмов или технологического детерминизма.

Идеи таких мыслителей, как Ярвин, Лэнд и Тиль, бросают серьезный вызов либеральным демократическим принципам, переосмысливая понятия человеческой природы, свободы и управления. Их пессимистичный взгляд на человечество заставляет усомниться в способности обычных людей к здравому суждению при участии в демократических процессах. Их переосмысление

---

¹¹⁶ Thiel, 2009b.

свободы ставит во главу угла технологическое и экономическое развитие, а не демократическое самовыражение. Более того, их критика либеральной демократии подрывает ее основные принципы в пользу авторитарных альтернатив, основанных на корпоративных структурах.

У Темного Просвещения есть свое видение будущего Запада или даже всего человечества. И его «катализаторы и носители» начали активно выходить за пределы своего корпоративного гетто с революционными целями.

2.2. Иллиберальная защита прогресса и свободы со стороны Питера Тила

В наше время среди темных просветителей Питер Тиль обладает, пожалуй, самым значительным политическим влиянием. Он одновременно мыслитель и деятель, визионер и реалист. В корпоративной Америке и Европе его часто называют «гуру» или вождем; теперь же его доктрина переходит из частной сферы сектора в публичную. В его мыслях и действиях можно обнаружить ту форму современной неакадемической философии, которая избегает скандального — как считал еще Кант — разрыва между теорией и практикой. Назовем ее бизнес-философией, следуя давнему способу называния некогда существовавших форм философствования, например натурфилософии. И если натурфилософия была специфичным способом познания природы и ее законов в пред- и ранне-научный период, то бизнес-философия касается собственно «дела», праксиса, понятого в контексте позднемодечного капитализма и возникающей цифровой цивилизации со всеми ее производными — новой антропологией, теологией, политической теорией и т. п.¹¹⁷.

Питер Тиль стал одной из самых знаковых фигур в современной бизнес-философии. Его труды, в частности основополагающие работы «От нуля до единицы» и «Штраусовский момент», изменили мышление целого ряда представителей американской элиты и представили противоречивые взгляды на инновации, конкуренцию, будущее западных технологий и демократии.

Питер Тиль родился во Франкфурте и получил образование в Стэнфорде, став значимой фигурой в Кремниевой долине. Будучи венчурным капиталистом и предпринимателем, он стал одним из основателей PayPal в 1998 году, совершив революцию в системах онлайн-платежей и значительно изменив ландшафт электронной коммерции. Его инвестиционная хватка оказалась удивительно прозорливой: он вкладывал средства в компании, ставшие

---

¹¹⁷ Такая интерпретация бизнес-философии как формы философствования в неакадемической среде отвечает требованию метафилософии Николаса Решера, т. е., она четко определяет свое «дело» (business), и при этом своеобразно окормляет интеллектуалов в корпоративной среде и шире — в бизнес-средах разного уровня и в разных регионах. О формировании специфического локуса бизнес-философии замечали и другие авторы, например Мэтью Стюарт, Джозеф Хит, Джеффри Мориарти и Уэйн Норман. См.: Stewart, 2009; Heath et al., 2010; Rescher, 2014.

технологическими гигантами, включая Facebook, Airbnb, LinkedIn, Spotify и SpaceX, демонстрируя свою способность определять преобразующие бизнес-модели до того, как они получают массовое признание. Помимо достижений в бизнесе, Тиль завоевал репутацию «мыслителя-возмутителя спокойствия», который постоянно бросает вызов общепринятой мудрости с помощью провокационных эссе, лекций и книг, заставляющих читателей пересмотреть устоявшиеся взгляды на технологию, образование и инновации ¹¹⁸. Его интеллектуальный вклад выходит за рамки практических советов по ведению бизнеса и охватывает более широкие философские вопросы о прогрессе, человеческом потенциале и будущем направлении развития цивилизации.

Интеллектуальное развитие и философские позиции Питера Тили сформировались под влиянием разнообразной литературы. Его список рекомендованного чтения обнаруживает особую привязанность к книгам, направленным на предсказание или формирование будущего, — от классической научной фантастики и философии до экономического анализа и исторических исследований ¹¹⁹. Значительное влияние на него оказала «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона, написанная в 1627 году, что свидетельствует об интересе Тили к провидческим произведениям, предвосхитившим научные и технологические достижения задолго до своего времени. Он высоко ценит работы Рене Жирара, особенно «Воскрешения из подполья», что позволяет предположить особое влияние миметической теории на понимание Тилем человеческих желаний и конкуренции, потенциально определяя его контрастный подход к бизнес-стратегии и инновациям ¹²⁰. Литературные предпочтения Тили включают и «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкиена, что, возможно, отражает его интерес к гранд-нарративам о власти, коррупции и способности, казалось бы, незначительных акторов добиваться значительных перемен. Среди других заметных влияний — книга Нассима Талеба «Черный лебедь», в которой рассматривается влияние крайне невероятных событий и ставится под сомнение традиционное статистическое мышление о риске и неопределенности — темы, которые совпадают со стремлением Тили возмущать мышление и подрывать ограничения традиционной мудрости ¹²¹. Он также часто цитирует Мильтона, Ницше, Толстого, Рэнд и Штрауса. Эти литературно-философские влияния в совокупности дают более глубокое понимание интеллектуальных перспектив, сформировавших особый подход Тили к бизнесу, технологиям и социальной философии.

---

¹¹⁸ Chafkin, 2021, с. 7–8.

¹¹⁹ Radical Reads, 2023.

¹²⁰ Girard, 2012.

¹²¹ Recommendations, 2024.

2.2.1. Основы бизнес-философии Тиля

Книга «От нуля до единицы: заметки о стартапах, или, как построить будущее» (2014) — это важный труд Тиля о предпринимательстве и инновациях, предлагающий всеобъемлющую основу для создания «революционных бизнесов». Центральный тезис книги вращается вокруг различения между горизонтальной и вертикальной формами прогресса. «Горизонтальный прогресс», или «глобализация», означает процесс заимствования чего-то, что работает уже где-то, и предполагает его тиражирование в новых сообществах, т. е. является движением от «одного к N (другим подобным)». В отличие от этого, вертикальный прогресс, или «технология», означает создание чего-то совершенно нового, чего раньше не существовало, что сродни «переходу от нуля к единице»¹²². Опираясь на эту дихотомию, Тиль утверждает, что подлинные инновации требуют вертикального прогресса, подчеркивая, что наиболее ценные компании создают нечто совершенно новое, а не просто улучшают существующие решения или конкурируют на перенасыщенных рынках. Книга, основанная на записях Блейка Мастерса из курса, прочитанного Тилем в Стэнфордском университете, стала источником взглядов для предпринимателей во всем мире, бросая вызов традиционному бизнес-мышлению и предоставляя идеи для создания «преобразующих компаний». С момента ее публикации книга «От нуля до единицы» стала обязательным чтением для начинающих предпринимателей, основателей стартапов и студентов бизнес-школ, выступая одновременно в качестве философского трактата и практического руководства по навигации в бурных водах технологических инноваций и создания бизнеса. Многие из последователей этих идей стали частью администрации Трампа в 2025 году, иди же активно ее поддерживают в других странах Запада.

Одна из самых провокационных и контринтуитивных идей, представленных в книге «От нуля до единицы», — утверждение Тиля о том, что компании-монополисты обладают особой исторической ролью, поскольку они обладают свободой и ресурсами для инноваций и их не сдерживает жесткая конкуренция. В концепции Тиля примером этого служит компания Google: доминирующее положение Google в поисковых системах обеспечило им финансовую стабильность и положение на рынке, позволяющее инвестировать в экспериментальные проекты, такие как самодвижущиеся автомобили и другие инициативы, которые не могут принести немедленной отдачи¹²³.

Эта точка зрения напрямую опровергает стандартное экономическое мнение о том, что конкуренция неизменно стимулирует инновации. Тиль утверждает, что «конкуренция — для неудачников», поскольку интенсивная

---

¹²² Thiel & Masters, 2014.

¹²³ Thiel & Masters, 2014, с. 25.

рыночная борьба часто приводит к появлению практически идентичных продуктов с минимальной нормой прибыли, что препятствует значительным инвестициям в настоящие инновации¹²⁴. По мнению Тилья, бизнес должен стремиться к созданию монополий, основанных на подлинных инновациях и уникальных предложениях, поскольку такие монополии генерируют «долгосрочную стоимость» (lasting value) и устойчивую прибыль, позволяющие проводить дальнейшие исследования и разработки. В книге подчеркивается, что наиболее успешные компании зачастую являются монополиями, поскольку они могут извлекать максимальную выгоду из своих уникальных идей, сохраняя при этом способность инвестировать в долгосрочный рост, а не сосредотачиваться исключительно на краткосрочных конкурентных преимуществах. Таким образом, монополистический капитал прокладывает дорогу в будущее не только частной компании, но и всему человечеству.

Прогресс, обеспечиваемый монополиями, связан с особым вниманием к реальности: успешная монополия понимает мир таким, какой он есть, свободным от гегемонистских идеологий и нарративов. В этой связи Тилья делает акцент на концепции «секретов» — уникальных знаний о мире, которые мало кто постиг¹²⁵. Он призывает предпринимателей активно искать эти скрытые истины, размышляя над провокационным вопросом: в какой важной истине с вами согласны лишь немногие? Этот вопрос призван раскрыть упущенные возможности и опровергнуть устаревшую мудрость. Подобный подход к «возмутительному мышлению» лежит в основе философии инноваций Тилья, предполагающей, что обнаружение и использование этих секретов воплощает суть успешного предпринимательства в сфере, где лежащие на поверхности возможности в основном уже использованы. Ценность такого возмущающего вопрошания выходит за рамки бизнес-стратегии и носит эпистемологический характер: Тилья считает, что правильные ответы на этот вопрос позволяют заглянуть в будущее, раскрывая те аспекты настоящего, которые большинство людей упускают из виду или неправильно понимают¹²⁶. Побуждая к тщательному критическому изучению широко распространенных верований, Тилья предлагает методологический подход к выявлению потенциально преобразующих бизнес-возможностей, находящихся в слепых зонах общепринятого мышления. Такая схема выявления противоречивых истин требует интеллектуальной смелости и независимости — качеств, которые Тилья постоянно подчеркивает, как необходимые для подлинных инноваций и создания бизнеса, который действительно продвигается от нуля к единице.

---

¹²⁴ Thiel, 2014.

¹²⁵ Thiel & Masters, 2014, с. 76.

¹²⁶ Thiel & Masters, 2014, p. 7–8, 61.

Важнейшим аспектом бизнес-философии Тиль является создание того, что он называет «крепостным рвом» (moat)¹²⁷ — устойчивого конкурентного преимущества, защищающего компанию от конкурентов. Эти защитные преимущества могут принимать различные формы, такие как запатентованные технологии, сетевые эффекты, или сила бренда; все они способствуют созданию защиты, которые не позволяют конкурентам повторить успех компании. Тиль подчеркивает, что наиболее ценные компании способны создавать и поддерживать свои «крепостные рвы», позволяющие им удерживать свои ведущие долговременные позиции на рынке и получать прибыль без необходимости конкурировать за свою прибыль. Этот стратегический акцент на защите тесно связан с тем, что Тиль предпочитает монопольные позиции в экономике, где есть возможность сосредоточиться на доминировании в конкретных нишах, а не на конкуренции, и на экспансии¹²⁸. Особое внимание в своем анализе Тиль уделяет концепции сетевых эффектов, признавая, что бизнесы, ценность которых возрастает по мере расширения базы пользователей, могут создавать самоподдерживающиеся экосистемы, в результате чего конкурентам становится все труднее бросить им вызов или нарушить их работу. Отдавая предпочтение созданию таких рвов на самых ранних этапах становления бизнеса, Тиль утверждает, что предприниматели могут создать долговременную стоимость вместо кратковременных конкурентных преимуществ, которые в конечном итоге будут сведены на нет рыночными факторами¹²⁹.

Наконец, в книге «От нуля до единицы» значительное внимание уделено человеческим аспектам создания успешных компаний, особенно важности правильного подбора команды и формирования сильной организационной культуры. Тиль советует предпринимателям уделять первостепенное внимание созданию сплоченных сообществ с едиными ценностями и взаимодополняющими навыками, а не просто нанимать самых талантливых людей без учета их культурного соответствия или общего видения. Эта стратегия создания команды признает, что коллективные способности и единство корпоративного сообщества часто перевешивают индивидуальную гениальность, если речь идет о создании чего-то действительно инновационного. По мнению Тиль, прочная организационная культура способствует инновациям и сотрудничеству, развивает чувство сопричастности и ответственности среди членов команды, а также создает основу для последовательного принятия решений по мере расширения компании. В книге утверждается, что культурное согласование в корпоративном сообществе становится все более важным по мере роста компаний, и предлагается основа

---

¹²⁷ См.: Robinson, 2019.

¹²⁸ Thiel & Masters, 2014, с. 92.

¹²⁹ Thiel & Masters, 2014, с. 110.

для поддержания согласованности и направления деятельности, даже когда организации разрастаются, становясь все более сложными и сталкиваясь с меняющимися проблемами на рынке. Подчеркивая эти человеческие, коллективные и культурные аспекты построения бизнеса, Тиль признает, что даже самые блестящие идеи требуют эффективного исполнения с помощью сообществ, работающих на общую цель.

2.2.2. Политические аспекты философии Тила

Если книга «От нуля до единицы» предлагала основания новой философии бизнес-сообществу, то эссе «Штраусовский момент» направлено на разговор за пределами корпоративного сектора. В этом тексте Тиль сделал вклад в более широкий философский и политический дискурс, сформулировав вопросы и ответы о будущем Запада, прогрессе и человеческой природе.

В этом эссе Тиль утверждает, что современное общество пережило фундаментальный сдвиг, в результате которого люди все еще продолжают верить в силу воли и действия, но в значительной степени утратили веру в силу интеллекта, рациональность и способность человеческого разума к осмыслению сложных проблем. Эту неспособность сегодняшних обществ решать проблемы и достойно отвечать на вызовы, по мнению Тила, представляет собой тревожное развитие, имеющее значительные последствия для технологического прогресса, политического дискурса и развития общества¹³⁰. Тиль прослеживает этот интеллектуальный сдвиг до конкретных исторических моментов, определяя 1969 год как поворотный, поскольку именно тогда произошли два события — высадка на Луну (представляющая технологический триумф рациональности) и Вудсток (представляющий поворот к эмоциональным переживаниям и психологическому регрессу), которые обозначили точку культурного перелома и ухода от ценностей разума эпохи Просвещения. Далее в эссе рассматривается, как падение Берлинской стены в 1989 году, распад Советского Союза и теракты в США 9 сентября 2001 года стали историческими событиями, которые по-разному интерпретировались в разных культурах: одни поддерживали открытость и глобализацию, а другие, особенно в Юго-Восточной Азии, пришли к выводу, что чрезмерная открытость может привести к нестабильности и краху¹³¹. На протяжении всего эссе Тиль подчеркивает недетерминированный характер исторического развития, утверждая, что человеческая деятельность и экономический рост играют важную роль в формировании будущего, которое не является ни неизбежным, ни предсказуемым (с помощью чисто механистического анализа).

---

¹³⁰ Thiel, 2007.

¹³¹ Thiel, 2007, с. 192—193.

В основе философского мировоззрения Тия лежит пессимистический взгляд на человеческую природу, резко контрастирующий с классическим оптимизмом эпохи Просвещения. Опираясь на трагическое видение человечества, Тиль воспринимает людей как изначально ущербные существа, чей эгоизм не может быть легко исправлен с помощью социальной инженерии или политических мер. Эта точка зрения тесно связана с традициями эпохи до Просвещения, когда признавалось, что люди — потенциально злы или, по крайней мере, опасны, а значит — человеческая природа проблематична и противоречива ¹³².

В одном из интервью Тиль сформулировал контраст между средневековым и современным пониманием человеческой природы таким образом:

«Средневековые верили в слабость воли, но силу интеллекта. Современные люди склонны верить в силу воли и слабость интеллекта.» ¹³³

По мнению Тия, этот разворот имеет глубокие последствия для современного общества, в котором «мы больше не доверяем способности людей мыслить» ¹³⁴.

В основе взглядов Тия на природу человека лежит его понимание миметической теории Рене Жирара, согласно которой человеческие желания подражательны, что неизбежно приводит к зависти и конфликтам. Как отметил Тиль в 2014 году, обсуждая концепции Жирара, мимесис часто приводит людей к самым разрушительным последствиям:

«Человек видит, человек хочет. В древних культурах это часто приводило к хаосу.» ¹³⁵

Это понимание миметического соперничества как движущей силы человеческого поведения, по всей видимости, повлияло на многие бизнес-решения Тия, включая его ранние инвестиции в Facebook.

Однако, пожалуй, самым ярким тезисом Тия является утверждение о том, что «свобода и демократия несовместимы» ¹³⁶. Это утверждение представляет собой фундаментальный вызов современным либеральным представлениям о политической свободе. Для Тия демократия выступает как «инструмент большинства для навязывания своей воли меньшинству», в то время как свобода означает «отсутствие посягательств других на личные

---

¹³² Thiel, 2007, с. 201—202.

¹³³ Perell, n.d..

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Lubin, 2016.

¹³⁶ Thiel, 2009.

дела»¹³⁷. Это противоречие между властью большинства и свободой личности заставляет его задаться вопросом, могут ли демократические процессы действительно обеспечить свободу, особенно для предпринимателей и новаторов, чья деятельность может быть ограничена демократическим большинством.

Позиция Тилья, отвергающая демократию и поддерживающая свободу, проистекает из его критики идейного багажа эпохи Просвещения. Он изображает Просвещение не как интеллектуальный прогресс, а как «стратегическое отступление» от фундаментальных вопросов о человеческой природе¹³⁸. По словам Тилья, «интеллектуальная цена прекращения таких размышлений казалась небольшой. Вопрос о человеческой природе был оставлен, потому что это слишком опасный вопрос для обсуждения»¹³⁹.

Тилья оспаривает основополагающую мифологию Просвещения о мирном формировании общественного договора, утверждая, что «Просвещение всегда обеляет насилие»¹⁴⁰. Выражаясь по-жераровски, Тилья предполагает, что когда общество сталкивается с кризисом, в котором «все вцепились друг другу в глотку», его разрешение происходит не в результате рационального обсуждения, а когда «война всех против всех становится войной всех против одного и каким-то образом разрешается очень насильственным способом»¹⁴¹. Именно этот механизм урегулирования, а не разумное согласие, составляет истинную основу социального порядка.

В эссе «Штраусовский момент», написанном после терактов 11 сентября 2001 года, Тилья утверждает, что наследие Просвещения сделало Запад уязвимым для врагов, действующих «вне всех норм либерального Запада»¹⁴². Предположение об экономически рациональных субъектах либеральной демократии не позволяет учесть «тех, кто ищет славы во имя Бога или страны», что свидетельствует о фундаментальном слепом пятне в политической теории Просвещения¹⁴³.

Критика Тилем либеральной демократии заставляет его искать альтернативные пути обеспечения свободы за пределами традиционных политических механизмов Запада. Идея Тилья заключается в том, чтобы найти

---

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Thiel, 2007, с. 193.

¹³⁹ Там же, с. 194.

¹⁴⁰ Perell, n.d.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Thiel, 2007, с. 189.

¹⁴³ Там же, с. 192.

«способ укрепить современный Запад, не разрушив его полностью»¹⁴⁴. Этот подход предполагает пересмотр старых философских традиций, признающих проблематичную природу человечества, а также использование технологических инноваций для расширения свободы наряду с корпоративными иерархиями, способными ее защитить. Как он утверждает, новые технологии могут «создать новое пространство для свободы», которое выходит за рамки нынешней политики, останавливающей прогресс и подрывающей свободу¹⁴⁵.

Итак, Питер Тиль выступает за пересмотр классических просвещенческих представлений о человеческой природе, признавая при этом, что полный отказ от современности невозможен и нежелателен. Опираясь на некоторые идеи Лео Штрауса, Тиль считает, что для защиты Запада и всего того, что является его основой: технологического прогресса и свободы личности, необходимо рассматривать «запретные вопросы». Это требует балансирования между приверженностью принципам свободы и стратегическим прагматизмом — признанием того, что «успех Запада обусловлен как приверженностью принципам свободы и справедливости, так и стратегическими отклонениями от этих принципов»¹⁴⁶.

Философская система Питера Тилия представляет собой последовательный, хотя и противоречивый вызов основному либерально-демократическому мышлению. Его пессимистичный взгляд на человеческую природу, скептическое отношение к демократии, критика рационализма эпохи Просвещения и альтернативное видение обеспечения свободы посредством технического прогресса создают целостное мировоззрение, которое повлияло на его бизнес, политическую позицию и филантропическую деятельность. Хотя критики отвергают идеи Тилия как авторитарные и иллиберальные, его бизнес-философия представляет собой интеллектуальную попытку устранить то, что он считает фундаментальными недостатками современной политической теории. Независимо от того, насколько они могут вызывать согласие других интеллектуалов, понимание философских взглядов Тилия дает ценное представление об одной из самых влиятельных и противоречивых фигур в современной американской политике и философии.

2.3. Проблема воли в Темном Просвещении

Ник Лэнд и Питер Тиль представляют два разных, но пересекающихся направления политической философии Темного Просвещения, которые критикуют либеральную демократию и переосмысливают управление через призму воли. В то время как акселерационизм Лэнда предполагает безличную,

---

¹⁴⁴ Там же, с. 207.

¹⁴⁵ Thiel, 2009.

¹⁴⁶ Thiel, 2007, с. 192.

системную волю, встроенную в капиталистически-технологические процессы, политическая доктрина Тилля сосредоточена на субъектности элиты и необходимости корпоративно-иерархического контроля, чтобы выйти за пределы человеческих «миметических» ограничений. В этом разделе я кратко рассмотрю концепцию воли и ее применение в политической теории темных просветителей.

Философия Ника Лэнда переосмысливает волю как автономную, саморазвивающуюся силу, присущую капитализму и технологическому прогрессу. Под влиянием либертарианской и постструктуралистской мысли Лэнд утверждает, что двигателем современности является способность капитализма к экспоненциальному росту, который он описывает как «цепь положительной обратной связи», где коммерциализация и индустриализация взаимно усиливают друг друга¹⁴⁷. Этот процесс, получивший название акселерационизм, подчиняет человеческую субъектность системным императивам:

«Капитал революционизирует сам себя более основательно, чем это могла бы сделать любая внешняя „революция“.»¹⁴⁸.

В концепции децентрализованной власти, в то же время, Лэнд дает место индивидуальной воле с помощью уже упоминавшейся формулы «никакого голоса, свободный выход», которая отвергает демократическое участие в пользу рыночных стратегий выхода. Эта хиршмановская схема предполагает, что индивиды выражают свою волю, переходя в конкурирующие авторитарные «государства-корпорации» (gov-corps), вместо того чтобы реформировать существующие политические системы¹⁴⁹.

В этом контексте Лэнд представляет себе капитализм как «саморазвивающийся техно-коммерческий комплекс», который разрушает традиционные социальные иерархии, прокладывая путь к постчеловеческому будущему, где технологии превосходят демократическое управление¹⁵⁰. Следовательно, технологический капитализм оставляет место для личной (но не обязательно человеческой) субъектности, поскольку, по мнению Лэнда, демократия по своей сути стремится к фашизму из-за уязвимости перед миметическим соперничеством и популистской демагогией. Для Лэнда в условиях техно-авторитарного капитализма воля превращается из «индивидуальной» в «системную», заложенную в самой логике капитала¹⁵¹. Его

---

¹⁴⁷ Land, 2022.

¹⁴⁸ Land, 2017.

¹⁴⁹ Land, 2022.

¹⁵⁰ Land, 2017.

¹⁵¹ Land, 2014, 2017.

политический проект стремится ускорить этот процесс, используя созидательное разрушение для демонтажа либеральных институтов и продвижения трансгуманного будущего.

Концепция воли Тия сочетает в себе христианскую эсхатологию, миметическую теорию Жирара и элитизм Штрауса, которая отвергает импотентную либеральную демократию и предлагает техно-феодальную альтернативу. Центральное место в его доктрине занимает вера в то, что человеческая воля испорчена миметическими желаниями — имитационным соперничеством, которое подпитывает общественные конфликты, — и что только ориентированный на трансцендентное иерархический порядок может восстановить стабильность прогресса ¹⁵².

В этом контексте Тиль рассматривает воукизм и политику идентичности как проявления миметического насилия либерализма, когда группы конкурируют за статус жертвы, увековечивая циклы ресентимента. Он утверждает, что либерализм, укорененный в наследие классического Просвещения, усугубляет эти противоречия, не замечая присущих человечеству недостатки ¹⁵³. Далее Тиль считает христианство противоядием от миметических распрей, выступая за возвращение к порядкам, относящимся к трансцендентным ценностям, способным разрушить циклы насилия и ресентимента с помощью прощения и самопожертвования ¹⁵⁴.

Политический проект Тия предусматривает замену национальных государств корпоративными городами-государствами, управляемыми предпринимательской элитой. Эта модель «gov-corp» ставит во главу угла волю к постоянной инновации и иерархический контроль за сообществами, отвергая демократическую подотчетность в пользу рыночного управления ¹⁵⁵. В представлении Тия воля осуществляется благодаря субъектности элит, в частности через воление к технологическим инновациям и стратегической контрарности. Его поддержка таких фигур, как Дональд Трамп и Дж. Д. Вэнс, отражает его веру в то, что концентрация власти, а не демократический консенсус, может произвести необходимые общественные преобразования в странах Запада.

Оба мыслителя отвергают либеральную демократию, но расходятся в своих подходах: акселерационизм Лэнда направлен на высвобождение капиталистических сил,двигающих прогресс ради него самого, в то время как элитаризм Тия централизует власть в руках волевых технократов. Видение

---

¹⁵² Diehl, 2020.

¹⁵³ См.: Thiel, 2025; Hanlon, 2025.

¹⁵⁴ Diehl, 2020.

¹⁵⁵ См.: Thiel, 2007, 2009a, 2025.

Лэнда децентрализовано и тяготеет к преодолению гуманистической установки, тогда как видение Тиль иерархично и ориентировано на трансцендентное. Однако оба мыслителя согласны с тем, что структура управления политико-корпоративных образований («gov-corps») должна прийти на смену национальным государствам, нациям и универсалистски понимаемому человечеству.

Ник Лэнд и Питер Тиль переосмыслили концепцию воли, чтобы бросить вызов либеральной демократии: Лэнд с помощью капиталистического ускорения, а Тиль — через иерархические структуры, управляемые элитами. В то время как безличная воля Лэнда стремится выйти за пределы человеческой субъектности, элитарная воля Тиль нацелена на реорганизацию общества с помощью трансцендентных ценностей и технологического контроля. Их теории дают новую политическую — и даже революционную — перспективу, в которой нет места эгалитаризму, праву и его носителю; вместо этого они предлагают будущее, сформированное системными или иерархическими императивами. И эти идеи хорошо согласуются с гипотезой о начале Эпохи Воли.

3. Критика европейской демократии со стороны Дж. Д. Вэнса

Джеймс Дэвид Вэнс, нынешний вице-президент США, является человеком, которого многие считают продолжателем идей Темного Просвещения в американской политике ¹⁵⁶. Вэнса часто называют «творением Тиль», поскольку первый обязан многим последнему успехами и в деловой карьере, и в восхождении к вершинам власти ¹⁵⁷. Его путь к одному из важнейших постов в США отражает и процесс того, как концепции Темного Просвещения все больше проникают в мейнстрим западной политики.

Выступление Дж. Д. Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности в 2025 году стало значительным отступлением от традиционного американского дипломатического взаимодействия с европейскими союзниками. Вместо того чтобы обсуждать военное сотрудничество или проблемы безопасности, вице-президент Вэнс сосредоточился на критике нынешней практики европейской либеральной демократии. Речь вице-президента Дж. Д. Вэнса была сосредоточена вокруг шести ключевых мессиджей.

---

¹⁵⁶ Об этом см. Taheri, 2025.

¹⁵⁷ Всего за месяц до мюнхенской речи Вэнса Тиль опубликовал в Financial Times статью под заголовком «Время правды и примирения», охарактеризовав переизбрание Трампа как «апокалипсис», то есть откровение, возвещающее о «новых временах». По мнению Тиль, победа Трампа показала банкротство либерального истеблишмента и стала сигналом к смене парадигмы в американской политике и внешних отношениях. Подробнее, см: Thiel, 2025. Что касается поддержки карьеры Вэнса со стороны Тиль, см.: Fine, 2024.

Во-первых, ключевой тезис выступления Вэнса заключался в том, что главный вызов безопасности Европы исходит не извне, а изнутри.

«... Угроза, которая меня больше всего беспокоит по отношению к Европе, — это не Россия, не Китай, не какой-либо другой внешний актор. Меня беспокоит угроза изнутри, отступление Европы от некоторых из ее самых фундаментальных ценностей, ценностей, разделяемых с Соединенными Штатами Америки.»¹⁵⁸

При таком подходе традиционные опасения по поводу опасности России и Китая для Запада были значительно преуменьшены в пользу культурно-политической критики самой Европы.

Во-вторых, Вэнс уделил значительное внимание тому, что он охарактеризовал как европейские ограничения свободы слова, особенно в отношении консервативных взглядов. Он обвинил европейских лидеров в использовании «уродливых слов советской эпохи, таких как ложная информация и дезинформация», чтобы заставить замолчать политическую оппозицию. Вэнс привел конкретные примеры из разных стран, включая осуждение в Швеции христианского активиста за сожжение Корана, действия немецкой полиции против антифеминистских комментариев и законы Великобритании, устанавливающие «зоны безопасного доступа» вокруг клиник по лечению абортов¹⁵⁹.

В-третьих, вице-президент назвал массовую иммиграцию одной из важнейших проблем Европы, отметив рекордное количество иностранцев, родившихся в Германии. Он связал нападение афганского иммигранта на профсоюзных демонстрантов в Мюнхене, совершенное за день до его выступления, с более широкими провалами в иммиграционной политике. Вэнс предположил, что европейские лидеры принимали «сознательные решения», которые привели к росту миграции из стран, не входящих в ЕС¹⁶⁰.

В-четвертых, он поднял вопрос о демократической легитимности и честности выборов в Европе. Вэнс раскритиковал аннулирование первого тура президентских выборов в Румынии в конце 2024 года. Он заявил, что «если ваша демократия может быть разрушена несколькими сотнями тысяч долларов цифровой рекламы из другой страны, значит, она не была очень сильной с самого начала»¹⁶¹. Эта критика распространялась на то, что он охарактеризовал как нежелание европейских элит принимать результаты выборов, которые бросают вызов устоявшимся позициям.

---

¹⁵⁸ Vance, 2025.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

«Дело демократии — решать важные вопросы у избирательной урны. Я считаю, что отстранение людей, игнорирование их проблем или, что еще хуже, закрытие СМИ, закрытие выборов или отстранение людей от политического процесса ничего не защищает. На самом деле, это самый верный способ уничтожить демократию. А высказывание и выражение мнения не является вмешательством в выборы, даже если люди выражают мнение за пределами вашей страны и даже если эти люди очень влиятельны. И поверьте мне, я говорю это со всем юмором, если американская демократия может пережить десять лет ругани Греты Тунберг, то вы, ребята, сможете пережить несколько месяцев Илона Маска.»¹⁶²

В-пятых, хотя это и не было основным направлением речи, Вэнс кратко коснулся традиционных проблем безопасности, подчеркнув необходимость увеличения европейского оборонительного вклада. Что касается потребностей Украины на оборону, вице-президент просто упомянул о возможности «разумного урегулирования» между Украиной и Россией, не уточнив, что это может повлечь за собой. Такое краткое обращение к тому, что, как ожидалось, должно было стать центральным пунктом речи, заслуживает внимания как фигура умолчания¹⁶³.

Наконец, шестым тезисом Вэнс дал сигнал о значительных изменениях в американо-европейских отношениях при второй администрации президента Трампа, заявив: «В городе появился новый шериф под руководством Дональда Трампа». Он сравнил подход нынешней администрации с предыдущей политикой, пообещав, что она «будет делать прямо противоположное» тому, что администрация Байдена якобы делала для подавления инакомыслия¹⁶⁴.

Особого внимания заслуживает то, что в речи был сделан явный поворот от вопросов безопасности к культурно-политическим проблемам. Такой подход отражает фундаментальную переориентацию приоритетов американской внешней политики при второй администрации Трампа, интеллектуальным архитектором которой вероятно является Вэнс.

Мюнхенская речь продемонстрировала удивительное соответствие между Вэнсом и несколькими ключевыми аспектами философского мировоззрения Тиля. Во-первых, в выступлении проявился открытый скептицизм по отношению к либеральным институтам Европы. Критика Вэнсом европейских демократических практик отражает давний скептицизм Тиля в отношении либеральных демократических институтов и господства бюрократии. Подвергая сомнению легитимность европейских ответов на

---

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

предполагаемое вмешательство в выборы, Вэнс операционализировал критику Тиля в адрес прогрессивистского истеблишмента. Его ссылка на демократию, которую может подорвать цифровая реклама из другой страны, иллюстрирует предпочтение Тиля к надежным системам, способным противостоять внешнему давлению, а не к тщательно управляемым институциональным процессам европейской демократии.

Кроме того, особый фокус Мюнхенской речи на миграции, (не)свободе слова и культурных проблемах Европы вместо традиционных угроз безопасности континента отражает предпочтение Тиля к культурным и цивилизационным вопросам, а не к традиционной геополитике. Вэнс увязал иммиграцию с проблемами безопасности, связав нападение афганского иммигранта на профсоюзных демонстрантов в Мюнхене с более широкой миграционной политикой. Эта точка зрения совпадает с убеждением Тиля в том, что культурная сплоченность политических сообществ необходима для эффективного управления и стабильности в государстве.

Возможно, наиболее важным в этой речи является то, что конфронтационный характер выступления Вэнса перед аудиторией, состоящей из традиционных союзников США, отражает намерения Тиля подрывать устоявшиеся консенсусы. Тиль известен тем, что делал «рискованные инвестиции, которые окупались», и готовность Вэнса бросить вызов европейским лидерам на их собственном форуме демонстрирует аналогичный аппетит к интеллектуальному риску и конфронтации с устоявшимися нормами.

4. Реакция европейцев на выступление Дж. Д. Вэнса

Выступление Дж. Д. Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности было встречено тишиной в конференц-зале, за которой последовал шквал публичных обличений со стороны европейских политиков и интеллектуалов. Хотя Вэнс сформулировал свою критику как защиту свободы от чрезмерного влияния прогрессистов, многие европейские лидеры и интеллектуалы расценили его выступление как атаку на основные либерально-демократические принципы. Однако бурная реакция европейцев на эту речь выявила не только фундаментальный философский раскол между нынешней американской администрацией и европейскими лидерами по поводу природы западных ценностей, но и политический раскол среди континентальных элит. Иван Крастев метко определил этот раскол как «столкновение между революционерами, поддерживающими Трампа, и либеральными националистами»¹⁶⁵.

---

¹⁶⁵ См.: Krastev, 2025; во многом, «либеральные националисты» совпадают с прогрессивистами, но Крастев, насколько я понимаю, дает им это новое название, чтобы подчеркнуть их приверженность делу «европейской нации», отличающейся от американской нации.

Как показывает видеорепортаж с конференции, немедленная реакция на выступление Вэнса в конференц-зале была показательной: гробовое молчание. Многие СМИ описывали европейских лидеров как «ошеломленных» и «ошеломляющих» высказываниями вице-президента. Например, по сообщению BBC,

«Это были очень странные 20 минут, встреченные в основном молчанием делегатов в зале. Даже шутки... не вызвали ни одного смешка.»¹⁶⁶

Эта невербальная реакция сама по себе представляла важный дипломатический сигнал, указывающий на глубокое несоответствие между высказываниями вице-президента и ожиданиями аудитории. Впрочем, европейские чиновники, присутствовавшие на конференции, выразили свой шок в частных беседах с журналистами.

4.1. Критическая реакция

Критические отклики на речь Вэнса вскоре были высказаны большинством официальных лиц ЕС и политиков европейских стран-членов, которых можно классифицировать, используя термин Крастева, как «либеральные националисты» (при этом, правда, европейцев нужно считать нацией). Например, министр обороны Германии Борис Писториус стал одним из самых ярких критиков, напрямую обратившись к речи Вэнса и заявив, что она «неприемлема»¹⁶⁷. В своем ответе Писториус сформулировал защиту европейских ценностей, которая косвенно отвергла критику Вэнса и идеи, лежащие в ее основе.

Другим примером могут быть слова главы внешнеполитического ведомства ЕС Кайи Каллас, охарактеризовавшей Вэнса как человека, «пытающегося затеять драку» с Европой, где проживают близкие союзники Америки¹⁶⁸. Такая постановка вопроса говорит о том, что европейское руководство рассматривает речь Вэнса как намеренно провокационный акт, направленный на создание трений в трансатлантических отношениях.

Наконец, председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен, выступая ранее в тот же день, похоже, предвидела напряженность в отношениях с администрацией Трампа, заявив:

«Более сильная Европа работает вместе с Соединенными Штатами, чтобы противостоять угрозам, которые нас

---

¹⁶⁶ Gardner, 2025.

¹⁶⁷ Цит. по: Atkinson, 2025.

¹⁶⁸ Цит. по: Atkinson, 2025.

объединяют как партнеров, и именно поэтому мы считаем, что торговые войны и карательные тарифы бессмысленны.»¹⁶⁹

Такая упреждающая защита европейских экономических интересов свидетельствует об осознании европейскими элитами изменений в подходах США к трансатлантическим отношениям.

Интеллектуалы-прогрессивисты, отстаивающие европейский «либеральный национализм», в основном интерпретировали критику Вэнсом европейской демократии как атаку на демократические институты, а не их защиту. Британское прогрессивное издание *Critical Legal Thinking* опубликовало статью Филипа Листа, который охарактеризовал речь Вэнса как «провозглашение программы транснационального *Bewegungsstaat*¹⁷⁰, т. е. государства, в котором правительство выступает в качестве лидера определенного политического движения»¹⁷¹. Аналитик предположил также, что Вэнс «идет дальше Шмитта, думая о государственности транснационально»¹⁷². Такая трактовка рассматривает критические высказывания Вэнса не как защиту демократии, а как идеологический проект с тревожными историческими параллелями. С прогрессивистской точки зрения, это речь базировалась на новой повестке дня, уходящей корнями в понимание Европы американскими революционерами как ограничительного *ancien régime*.

Le Monde опубликовал совместную статью Филиппа Бернара, Асзмы Маад, Манон Ромен и Уильяма Одюро, авторы которой проверили фактические утверждения в речи Вэнса. Авторы обнаружили множество ложных утверждений, назвали ее «жестоким ударом по европейским демократиям» со стороны администрации Трампа и определили ее как «угрозу демократии в Европе». Издание раскритиковало аргументы Вэнса как ложные, заявив, что они направлены на то, чтобы «разделить и ослабить Европу, построенную на праве», продвигая при этом ультраправую идеологию¹⁷³.

Прогрессивные интеллектуалы, поддерживающие политиков-«либеральных националистов», отвергли вэнсовское определение европейской миграционной политики как угрожающего гражданам провала. Они считают, что миграционная политика ЕС основана на моральном балансе гуманитарных проблем и безопасности, а критику Вэнса рассматривают как «ксенофобскую».

---

¹⁶⁹ Цит. по: Iyengar & Johnson, 2025.

¹⁷⁰ *Bewegungsstaat* — это термин Карла Шмитта, означавший «государство движения» или государство, формируемое одним социально-политическим движением.

¹⁷¹ Liste, 2025.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Bernard et al. 2025.

Их позицию резюмировала Марлен Ларюэль, историк и политолог, которая определила суть программного выступления Вэнса так:

«Ее можно резюмировать следующим образом: Суверенитет национального государства имеет первостепенное значение и не может быть ограничен наднациональными законами или институтами; общество не может функционировать без морального авторитета, и этот авторитет может привести к формам авторитаризма, направленным против демократических институтов, если они считаются недееспособными или «захваченными» «проснувшейся» элитой; законы должны приниматься для большинства, а не для меньшинств; Общество должно быть культурно однородным; иностранцы могут интегрироваться, принимая ассимиляцию, но не требуя мультикультурализма; индивиды не являются чистыми картами с точки зрения идентичности, они вписаны в историю и географию, маркеры идентичности, которые необходимо защищать и ценить; культурные нормы в отношении семьи, пола и гендера не могут быстро эволюционировать.»¹⁷⁴

Первая характеристика, выделенная Ларюэль, явно противоречит оценке Филипа Листа транснационального понимания государственности у Вэнса. Но, похоже, оба аналитика правы: в политической доктрине темных просветителей есть противоречия между ненациональным характером государств-корпораций и стихийным национализмом.

Интеллектуалы-прогрессивисты в целом интерпретировали защиту Вэнсом популистских движений как опасную и дестабилизирующую. С этой точки зрения критика Вэнсом европейских элит за то, что они якобы игнорируют недовольство популистов, рассматривалась не как защита демократии, а как ее подрыв путем легитимации антидемократических транснациональных сил на Западе. Как заметил Филипп Лист, Джей Ди Вэнс «сделал себя выразителем этого дискурса и, таким образом, народа, который якобы не был услышан своими правительствами»¹⁷⁵.

Интеллектуалы-прогрессивисты часто защищают институциональные процессы ЕС как гарантию защиты демократических ценностей от популистских угроз. С этой точки зрения критика Вэнсом институтов ЕС свидетельствует о фундаментальном непонимании их роли в защите европейской либеральной демократии. Более того, прогрессивисты обычно интерпретируют речь Вэнса как проявление опасной формы американского

---

¹⁷⁴ Laruelle, 2025.

¹⁷⁵ Liste, 2025.

вмешательства в европейские дела, отражающей «готовый к развертыванию нелиберализм», который влияет на трансатлантические отношения¹⁷⁶.

В целом я могу выделить как минимум три ключевых аргумента, использованных защитниками европейской демократии против речи Вэнса. Во-первых, многие из них отвергали представление Темного Просвещения о европейских демократиях как о все более авторитарных или цензурирующих инстанциях. Урсула фон дер Ляйен и Борис Писториус представили европейские демократические системы не как отступающие от фундаментальных ценностей, а как активно защищающие их от различных угроз, то есть как «секуритизированные» либеральные демократии.

Во-вторых, значительная часть критики была направлена на отклонение Вэнса от ожидаемых дипломатических норм и предметных обсуждений вопросов безопасности. Репортер *BBC* отметил:

«Мюнхенская конференция по безопасности в этом году должна была быть посвящена в основном двум вопросам: как закончить войну в Украине, не уступая России, и как Европе увеличить расходы на оборону. Но... Вэнс использовал свое время на трибуне, чтобы поговорить ни о том, ни о другом.»¹⁷⁷

Это стратегическое отступление от насущных вопросов безопасности к культурно-политическим претензиям было расценено европейскими либеральными националистами и прогрессивистами как дипломатически неуместный и потенциально вредный для интересов безопасности единого Запада жест.

В-третьих, некоторые защитники европейской либеральной демократии обратили внимание на явные противоречия в критике Вэнса, особенно в отношении участия США в той самой политике, которую он осуждал. В анализе *UnHerd*, к примеру, отмечается:

«Хотя нападки Вэнса на европейский авторитаризм убедительны, его упущение роли США в этих событиях столь же примечательно.»¹⁷⁸

По поводу аннулирования выборов в Румынии, которое критиковал Вэнс, Томас Фази, аналитик *UnHerd*, справедливо заметил, что «именно Госдепартамент США первым выступил с заявлением, выразив озабоченность по поводу вмешательства России, за два дня до того, как конституционный суд Румынии аннулировал результаты выборов»¹⁷⁹.

---

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Gardner, 2025.

¹⁷⁸ Fazi, 2025.

¹⁷⁹ Там же.

4.2. Выступления в поддержку

Хотя официальные ответы европейского руководства были преимущественно критическими, некоторые СМИ и комментаторы выразили согласие с тезисами Вэнса. Журналист немецкой газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung* Николас Буссе, например, написал, что «Вэнс был не совсем неправ по некоторым пунктам», особо отметив:

«Кто может всерьез отрицать, что неконтролируемая массовая иммиграция стала серьезной проблемой в Европе? Тот факт, что в Мюнхене в момент начала конференции произошел теракт, говорит сам за себя.»¹⁸⁰

Журналист также признал опасения по поводу того, что выборы в Румынии были отменены «по неубедительным причинам», и задался вопросом, почему некоторые популистские партии не были допущены к участию в конференции.

Хенрик Йонссон, журналист шведской газеты *Göteborgs-Posten*, также утверждал, что «Трампа и его сержанты столкнули Европу с некоторыми неудобными истинами», критикуя то, что он назвал «одноглазым маргинализирующим морализмом» в европейских общественных дебатах¹⁸¹. Йонссон также написал, что «признание проблем Европы — это не „дружелюбие к Путину“, а скорее необходимость, если Европа хочет продолжать защищать демократию в мире»¹⁸².

Интересно, что европейские союзники президента Трампа в основном хранили молчание по поводу речи Вэнса. Например, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан напрямую не комментировал ее, однако его последующие политические действия указывали на явное согласие со взглядами вице-президента. После Мюнхенской конференции Орбан направил письмо председателю Европейского совета Антонио Косте, в котором призвал ЕС последовать «примеру США» и «вступить в прямые дискуссии с Россией»,¹⁸³ что отражает отказ Вэнса от традиционных рамок безопасности.

Премьер-министр Словакии Роберт Фицо аналогичным образом использовал пост-мюнхенскую обстановку для отстаивания позиций, которые совпадают с критикой Вэнсом европейского консенсуса по Украине. Фицо пригрозил заблокировать заявления саммита ЕС, если они не будут включать призывы к немедленному прекращению огня в Украине, прямо бросая вызов позиции европейского истеблишмента. Его заявление о том, что «если саммит не признает, что существуют альтернативы простому продолжению войны,

---

¹⁸⁰ Busse, 2025.

¹⁸¹ Jönsson, 2025.

¹⁸² Jönsson, 2025.

¹⁸³ Цит. по: Fornusek, 2025.

Европейскому совету будет трудно прийти к выводам по Украине»,¹⁸⁴ фактически активизировало вызов Вэнса европейской ортодоксии в области безопасности.

Канцлер Австрии Александр Шалленберг предложил одну из немногих публичных поддержек речи Вэнса со стороны европейского политика. Шалленберг заявил:

«Я считаю, что в некоторых вопросах он прав. Например, в вопросе миграции он прав.»¹⁸⁵

Австрийский лидер также поддержал критику Вэнса в адрес демократических «брандмауэров» против ультраправых партий, включая Партию свободы Австрии, которая получила наибольшее количество мест на парламентских выборах, состоявшихся в сентябре 2024 года.

Консервативные интеллектуалы, напротив, гласно и открыто приняли критику Вэнса как необходимую защиту «истинных демократических принципов» от чрезмерного влияния институтов. Мик Хьюм из журнала *The European Conservative* решительно поддержал речь Вэнса, заявив:

«Мы полностью публикуем речь вице-президента США на Мюнхенской конференции по безопасности на сайте europeanconservative.com, потому что мы признаем, что она обозначает разделительную линию в западной политике. И потому что мы согласны практически с каждым ее словом...

Мы — два Запада. Разделение — это не Америка против Европы, это народ против элиты.

Отнюдь не будучи „антиевропейцем“, он встал на сторону миллионов людей по всей Европе, которые восстают против обанкротившегося старого политического истеблишмента.»¹⁸⁶

Издание переосмыслило критику Вэнса в терминах защиты истинных европейских ценностей, а не ценностей элиты.

Эллисон Пирсон из *The Telegraph* аналогичным образом охарактеризовала критику Вэнса, подчеркнув «горькую историческую иронию. Западная Европа, которая победила в Холодной войне, выступив защитником демократии и свободы слова против тиранических сил, цензурировавших диссидентов и отменявших выборы, теперь отменяет выборы, цензурирует диссидентов и криминализирует свободу слова»¹⁸⁷. С этой точки зрения речь Вэнса и стоящая

---

¹⁸⁴ Цит. по: Fornusek, 2025.

¹⁸⁵ Цит. по: Iyengar & Abadi, 2025.

¹⁸⁶ Hume 2025.

¹⁸⁷ Pearson, 2025.

за ней программа не подрывают демократию, а призывают Европу вернуться к ее основополагающим ценностям.

Консервативные интеллектуалы с энтузиазмом восприняли критику Вэнсом европейских ограничений на свободу слова. *The European Conservative* похвалил Вэнса за осуждение «официальной Европы за отступление от свободы слова и введение цензуры путем клеймения диссидентских взглядов как „так называемой дезинформации“»¹⁸⁸. Мик Хьюм при этом подчеркнул:

«Теперь для многих из нас, живущих по ту сторону Атлантики, это все больше и больше напоминает старые, укоренившиеся интересы, прячущиеся за уродливыми словами советской эпохи, такими как дезинформация и дезинформация, которым просто не нравится мысль о том, что кто-то с альтернативной точкой зрения может выразить иное мнение.»¹⁸⁹

Он, как и другие консервативные интеллектуалы, утверждает, что ЕС чрезмерно регулирует речь под видом борьбы с дезинформацией. С этой точки зрения европейские нормы регулирования высказываний рассматриваются не как защита от вреда, а как инструменты для подавления легитимного и легального политического инакомыслия.

Консервативные интеллектуалы горячо поддержали критику Вэнсом европейской миграционной политики. *The European Conservative* похвалил Вэнса за нападки на «ЕС и европейские правительства за политику открытых границ, которая подвергает их население террористическим атакам, которые произошли в Мюнхене на прошлой неделе»¹⁹⁰. Также и Эллисон Пирсон назвала миграционную критику Вэнса «болезненным упреком», доносящим необходимые истины до европейских бюрократов и британских элит¹⁹¹.

Консервативные интеллектуалы восприняли критику Вэнса по поводу разъединения элит как законную защиту демократической ответственности. Более того, по определению Мика Хьюма,

«...чего не переживет ни одна демократия — ни американская, ни немецкая, ни европейская, — это говорить миллионам избирателей, что их мысли и заботы, их чаяния, их мольбы об облегчении недействительны или недостойны того, чтобы их даже рассматривали...

---

¹⁸⁸ Hume, 2025.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Pearson, 2025.

Все эти проблемы объединяет фундаментальный страх и ненависть элит ЕС к демосу — народу.»¹⁹²

Наконец, консервативные интеллектуалы поддержали критику Вэнса в адрес институтов ЕС как страдающих от дефицита демократии. Они похвалили Вэнса за то, что он назвал институты ЕС не защитниками демократии, а угрозой для нее. Кроме того, они охарактеризовали критику Вэнса как необходимую «жесткую любовь» со стороны обеспокоенного союзника.

Несмотря на в основном негативную официальную реакцию, некоторые европейцы — политики и эксперты — публично признали достоинства выступления Вэнса. Я выделил как минимум четыре аргумента в поддержку критики европейского либерального прогрессивизма со стороны вице-президента.

Во-первых, наиболее часто поддерживаемым элементом речи Вэнса была его критика европейской миграционной политики. Журналист газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung* прямо признал, что «неконтролируемая массовая иммиграция стала серьезной проблемой в Европе»¹⁹³. Этот консенсус по вопросам иммиграции отражает растущие популистские настроения в Европе, которые бросают вызов устоявшейся миграционной политике.

Во-вторых, многие европейские комментаторы согласились с критикой Вэнса в отношении институционального ограничения влияния популистских движений. Обеспокоенность по поводу отмены выборов в Румынии и той легкости, с которой они были приняты, нашла отклик у критиков руководства ЕС. Аналогичным образом, исключение таких партий, как немецкая AfD и австрийская Партия свободы, из правящих коалиций, несмотря на их высокие результаты на выборах, было названо потенциальным подрывом демократического представительства.

В-третьих, критика Вэнса, касающаяся ограничений свободы слова в Европе, нашли сочувствие у некоторых европейских комментаторов. В упомянутом выше материале *Göteborgs-Posten* европейский дискурс характеризуется как подавляющий легитимные дискуссии. Эта точка зрения совпадает с аргументом Вэнса о том, что европейские институты все больше ограничивают фундаментальные свободы.

В-четвертых, многие интерпретировали речь Вэнса как свидетельство фундаментального сдвига в американо-европейских отношениях при второй администрации Трампа. Многие европейские интеллектуалы предположили, что, помимо конкретных разногласий в политике, речь означала более глубокий философский разрыв с трансатлантическим консенсусом, сложившимся после

---

¹⁹² Hume, 2025.

¹⁹³ Busse, 2025.

Второй мировой войны. Более значимые последствия этого разрыва сформулировал бывший министр иностранных дел Литвы Габриэлус Ландсбергис, который интерпретировал речь Вэнса как четкий сигнал о том, что Европа должна развивать большую стратегическую автономию:

«Мы должны взять себя в руки и понять, как справиться с проблемами самостоятельно.»¹⁹⁴

Такая реакция свидетельствовала о том, что некоторые европейские лидеры восприняли эту речь не просто как дипломатический промах, а как признак ослабления приверженности США делу европейской безопасности и либеральному международному порядку.

4.3. Концепции классического Просвещения под ударом

Описанные дебаты касались и философского измерения — конфликта между установками классического и Темного Просвещения.

Во-первых, очевидно, что европейские прогрессисты и либеральные националисты объединяются вокруг демократического суверенитета и самоопределения. Например, отказ канцлера Шольца от американской критики как от внешнего вмешательства в немецкую демократию, поддержанный многими другими немецкими политиками, подчеркивает принцип Просвещения, согласно которому законное правление происходит из согласия граждан¹⁹⁵. Утверждая право Германии определять свои собственные демократические процессы без вмешательства Америки, Шольц защищает основополагающую концепцию Просвещения о национальном самоопределении от того, что многие европейцы воспринимают как попытку навязать суверенным демократическим государствам внешние ценности. Однако европейские сторонники Трампа быстро опровергают этот аргумент, ссылаясь на транснациональный и несuverенный характер современной европейской политики, а также на все большие ограничения базовых свобод на континенте.

Во-вторых, защитники ЕС отстаивали рациональный дискурс и международное сотрудничество, основанное на общих правилах. Например, президент Германии Франк-Вальтер Штайнмайер раскритиковал мировоззрение администрации Трампа за пренебрежение «установленными правилами, партнерскими отношениями и давним доверием», добавив, что допустить доминирование такого мировоззрения «было бы пагубно для международного сообщества»¹⁹⁶. Эта защита устоявшихся международных норм отражает акцент эпохи Просвещения на рациональном сотрудничестве

---

¹⁹⁴ Цит. по: Iyengar & Johnson, 2025.

¹⁹⁵ См. их заявления в симптоматичном репортаже агентства Синьхуа: *Xinhua*, 2025.

¹⁹⁶ *Xinhua*, 2025.

между странами и неприятие конфронтационного одностороннего подхода. Впрочем, сторонники новой администрации США парируют тем, что утверждают о том, что существовавшие международные правила приводили к экономическим потерям американской стороны, а значит не были равноправными и добросовестными.

В-третьих, критика literalной демократии со стороны Темного Просвещения и подходы новой администрации США продолжают поддерживать европейский центризм, основанный на давней традиции сбалансированного понимания свободы. Большинство европейских реакций предполагали защиту более контекстуального понимания свободы — такого, которое уравнивает индивидуальные свободы с коллективной ответственностью и защитой. В то время как Вэнс критиковал европейские ограничения на определенные формы высказываний (например, активистов, выступающих против аборт вблизи клиник), европейские чиновники неявно защищали свой подход, балансирующий между свободой слова и защитой уязвимых групп, что отражает тонкое понимание свободы в социальном контексте, принятое в мысли Просвещения.

В-четвертых, эти дебаты касались способности человека быть автономным субъектом – носителем универсальных прав. Негативная реакция европейцев на высказывания Вэнса об иммиграции отразила их приверженность универсальным принципам прав человека, вытекающим из идей Просвещения. Отвергнув характеристику Вэнсом иммиграции как самой насущной проблемы Европы, европейские лидеры имплицитно защитили свой универсалистский подход к человеческому достоинству, который распространяет права за пределы национальных границ. В то же время европейские «трамписты» аплодировали заявлениям Вэнса и требовали национальных дискуссий о миграционных политиках.

По своей сути столкновение двух Просвещений, проявившееся в этой дискуссии, продемонстрировало принципиально разные философские подходы к пониманию свободы и прогресса новой американской администрации и европейского политического мейнстрима. В то время как Вэнс критиковал европейские институты за то, что они игнорируют волю народа в таких вопросах, как иммиграция или поддержка на выборах кандидатов, не принадлежащих к основному движению, европейские лидеры защищали свою либерально-демократическую модель с ее акцентом на конституционные гарантии, институциональные сдержки и противовесы, защиту прав меньшинств — все это вытекает из классической политической философии, основанной на идеях классического Просвещения.

5. Выводы

В этой статье я проанализировал речь вице-президента Дж. Д. Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности 2025 года и реакцию на нее европейцев как проявление глубокого философского раскола в западных обществах. Этот раскол можно представить как столкновение между классическими ценностями Просвещения, заложенными в европейской либеральной демократии, и зарождающейся философско-политической доктриной Темного Просвещения, которая все больше оказывает влияние на американскую и европейскую консервативную мысль и политику. Эта концептуальная схема эффективно контекстуализирует то, что в противном случае могло бы показаться простыми дипломатическими трениями, проявляя фундаментальный спор о природе свободы, прогресса и человека. Речь Вэнса, в которой он критикует европейских правителей вместо того, чтобы обратиться к обычным проблемам безопасности, свидетельствует о росте влияния политико-философской программы темных просветителей, которые перешли от сетевых обсуждений и споров в корпоративном секторе к международной дипломатии высшего уровня.

В приведенной выше аргументации я указал на множество факторов, подтверждающих гипотезу Майи Куле о том, что мы, возможно, являемся свидетелями рассвета нового исторического периода — Эпохи Воли. В некотором смысле то, что мы наблюдаем сегодня в западных обществах, — это саморазрушение рациональных основ Запада. Вместо разума с его моральными ограничениями и поиском баланса между коллективными и индивидуальными интересами перед нами — растущая сила воли, концептуально связанная отчасти с культурной волей Гердера, иррациональной волей Шопенгауэра и ницшеанской трансгрессивной волей. Но эта воля уже концептуализирована иначе и питает совсем другие политические проекты.

Происходящие трансформации также можно интерпретировать в контексте исторической модели Вико как конец Века Людей, определявшегося идеями Просвещения и присвоенного элитами западных стран. Возникает новый миф, определяющий коллективную эволюцию Запада, где свобода больше не связана с духом закона, а прогресс не ограничивается инклюзивными и эгалитарными делиберациями. Миф о разуме с его светлыми и темными сторонами испытывает давление со стороны идей темных просветителей и противоречивой политики западных либеральных демократий. Свобода и прогресс сейчас находятся в центре процессов пересмотра их смысла и значения, что может означать макроисторическую трансформацию нашего времени.

Надеюсь, мне удалось показать ту драматическую ситуацию, в которой оказался Запад: его фундирующий дискурс все больше подвержен влиянию борьбы двух противоположных философских систем, традиции классического

Просвещения и интеллектуально-политико-корпоративного революционного движения, идентифицирующее себя как «Темное Просвещение». Классическое Просвещение, фундировавшее в прошлом западные либеральные демократические институты, рассматривало свободу сквозь призму автономии рационального субъекта, находящейся в сложном балансе с коллективной ответственностью, рациональным дискурсом, конституционной защитой и универсальными правами человека. Темное Просвещение, напротив, переосмысливает свободу в основном в терминах корпоративной воли в стиле «СЕО»-правителя, технологического прогресса и возможностей «выхода» из государств-корпораций, вместо демократического участия в республике, а также поощряет иерархическую эффективность над эгалитарными процессами.

Философия Темного Просвещения, разработанная такими мыслителями, как Кертис Ярвин и Ник Лэнд, отвергает подходы классического Просвещения к демократии, равенству и способности человека к свободному коллективному управлению. Я продемонстрировал, как эти мыслители аргументируют свой пессимистический взгляд на человечество, сомнения в способности большинства людей к разумным суждениям, и пересмотр определения свободы, ставящего во главу угла негативную свободу, иерархические структуры управления по образцу корпоративного менеджмента и технологический прогресс, а не демократическое участие и де-libерацию. Их критика либеральной демократии касается ее неэффективности, подверженности популизму и разделения единой власти. Вместо этого они предлагают техно-авторитарное видение, которое обещает свободу через выход (потребительский выбор среди конкурирующих продуктов управления), а не через голос (демократическое участие).

В моем анализе Питер Тиль предстает в виде ключевой фигуры, соединяющей в своей философии теоретическую реакционную и в то же время консервативно-революционную мысль и практическое политическое влияние. Интеллектуальный путь Тили от либертарианства к техноавторитаризму, отмеченный его заявлением о несовместимости свободы и демократии, сформировал его бизнес-философию, ориентированную на монополистические инновации и прогресс человечества. Концепция человеческой природы Тили по своей сути скептична и миметична. Его критика классического Просвещения связано со «стратегическим отступлением» просветителей от фундаментальных — и часто неудобных — вопросов о человеке, свободе и прогрессе. Он предлагает альтернативное видение обеспечения свободы с помощью технологического прогресса и корпоративных структур, а не демократических процессов.

Темные просветители — это новые революционеры. Они считают свою революцию выходом за рамки традиционного для современности разделения на частную и общественную сферы. В этом тоталитарном движении они предлагают реализовать свои идеи и предпринимательские методы

преобразования социальной реальности, используя передовые технологии и ретромодернистские корпоративно-политические иерархии.

Наставничество Тиля над Вэнсом представляет собой пример прямой трансляции идей первого в политическое действие последнего — и, вероятно, в элементы политики новой администрации Трампа. Более того, послания вице-президента США в речи на Мюнхенской конференции были явно связаны с концепциями Тиля и революционными планами нового американского руководства.

Философская конкуренция между двумя Просвещениями предполагает радикальное переосмысление фундаментальных политических концепций:

- Человеческая природа. В то время как мысль классического Просвещения подчеркивает автономию рационального субъекта, уравновешенную коллективной способностью к управлению, мыслители Темного Просвещения предлагают пессимистический взгляд на человеческую природу, ставящий под сомнение способность простых граждан к рациональному суждению. Последние уделяют большее внимание уникальным способностям лидеров, которые обладают способностью понимать реальность и проявляют волю к власти и инновации, а также технологическому прогрессу человечества (и даже вне оно).
- Свобода. Трактовки классического Просвещения балансируют между позитивными и негативными пониманиями свободы в рамках демократического эгалитаризма и легализма, в то время как концепции Темного Просвещения отдают приоритет негативной свободе, технологическому прогрессу и потребительскому выбору между продуктами управления, а не демократическому участию.
- Прогресс. Подходы классического Просвещения подчеркивают развитие либеральных институтов и расширение индивидуальных прав, в то время как концепции Темного Просвещения сосредоточены на ускорении развития технологий без помех со стороны демократического обсуждения или ограничений, вытекающих из индивидуальных прав и универсалистской морали.

Реакция европейцев на речь Вэнса выявила концептуальные, а не только политические разногласия на Западе. В ответах европейских лидеров преобладала защита классических просвещенческих ценностей, норм и институтов, а такие деятели, как Борис Писториус и Кайя Каллас, отвергали критику европейской демократии со стороны Вэнса. Их контраргументы ссылались на демократический суверенитет, рационально-правовое сотрудничество между народами и сбалансированные концепции свободы, признающие как индивидуальные права, так и коллективные обязанности, а также приверженность универсальным принципам прав человека. Тем не

менее, раздавались голоса и в поддержку тезисов Вэнса — в основном со стороны консервативных СМИ или политиков, издавна поддерживающих Дональда Трампа. Они признавали заслуги Вэнса в критике европейской миграционной политики, институциональных ограничений популистических политических движений и ограничений свободы слова.

Значение этой политической дискуссии с философской основой выходит за рамки сиюминутной дипломатической напряженности и затрагивает фундаментальные вопросы о будущем Запада. Я считаю, что мысль Темного Просвещения и связанное с ней растущее политическое движение представляют собой вызов либерально-демократическому прогрессивистскому правлению, который реализуется путем переосмысления свободы, прогресса и человеческой природы. Этот вызов потенциально более значим, чем авторитарные альтернативы Евразии, поскольку он связан с базовыми для идентичности Запада понятиями. Уникальное слияние современных корпоративных и архаичных моделей правления с технологическим утопизмом Кремниевой долины заложило видение будущего, в котором государства функционируют как корпорации, а не как демократии. И это видение уже перешло из сферы теоретических спекуляций к влиянию на реальную политику. Понимание этого философского разрыва крайне важно для осознания надвигающейся исторической трансформации в Эпоху Воли и возникающих вызовов демократическим институтам по мере того, как концепции и идеи Темного Просвещения все больше проникают в мейнстрим консервативно-революционной политики по обе стороны Атлантики.

Библиография

- Адорно, Т., & Хоркхаймер, М. (1997 [1947]). : Диалектика просвещения. Философские фрагменты. Мифрил, 1997.
- Кант, И. (1966 [1786]). Ответ на вопрос: Что такое просвещение. В Кант, И. Сочинения в шести томах. Т. 6. Мысль, с. 25—36.
- Руссо, Ж.-Ж. (1998 [1762]). Об общественном договоре. Трактаты. КАНОН-пресс, Кучково поле.
- Спиноза, Б. (2001 [1677]). Этика. Харвест.
- Шопенгауэр, А. (1992 [1818]). Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Московский клуб.
- Adorno, T. W. (2006). *History and Freedom: Lectures 1964–1965*. Polity Press.
- Adorno, T. W., & Horkheimer, M. (1997 [1947]). *Dialectic of enlightenment*. Verso.
- Alexander, W. M. (2012). *Johann Georg Hamann Philosophy and Faith*. Springer.
- Armitage, D. (2012). John Locke: Theorist of empire? In: Muthu, S. (Ed.). *Empire and Modern Political Thought*. Cambridge University Press, 84–111.

- Atkinson, E. (2025, February 15). JD Vance attacks Europe over free speech and migration. BBC, <https://www.bbc.com/news/articles/ceve3wl21x1o>
- Bauman, Z. (2013). *Liquid modernity*. John Wiley & Sons.
- Benoît-Rohmer, F., & Klebes, H. (2005). *Council of Europe law: towards a pan-European legal area*. Council of Europe.
- Berlin, I. (2020). *The Magus of the North: J. G. Hamann and the Origins of Modern Irrationalism*. Princeton University Press.
- Bernard, P., Maad, A., Romain, M., & Audureau, W. (2025, February 21). Behind the words of JD Vance's historic Munich speech. *Le Monde*, https://www.lemonde.fr/en/opinion/article/2025/02/21/behind-the-words-of-jd-vance-s-historic-munich-speech_6738424_23.html
- Böhme, H., & Böhme, G. (1985). *Das andere der Vernunft*. Suhrkamp.
- Boulter, S. (2010). Augustine and Aquinas. *A Companion to the Philosophy of Action*, 459–465.
- Bryant, L. R. (2023). *The Democracy of Objects: Redrawing Reality: A Journey into Object-Oriented Ontology*. Good Press.
- Buchan, B. (2016). Enlightenment Perspectives on War and Peace. In Shogimen, T., & Spencer, V. A. (Eds.). *(Visions of peace: Asia and the West*. Routledge, 119–137.
- Burrows, R. (2024, November 18). NRx: A Brief Guide for the Perplexed. Platform, <https://www.platformspace.net/home/nrx-a-brief-guide-for-the-perplexed>
- Busse, N. (2025, February 25). Der Westen schwächt sich selbst. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, <https://www.faz.net/aktuell/politik/sicherheitskonferenz/kulturkampf-und-ideenlosigkeit-auf-sicherheitskonferenz-110300487.html>
- Callanan, K. (2018). *Montesquieu's Liberalism and the Problem of Universal Politics*. Cambridge University Press.
- Cassirer, E. (2009 [1932]). *The Philosophy of the Enlightenment: Updated Edition*. Princeton University Press.
- Chafkin, M. (2021). *The Contrarian: Peter Thiel and Silicon Valley's Pursuit of Power*. Bloomsbury Publishing
- Consilium. (2024). Rule of law: Why it matters. The EU Consilium, <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/rule-of-law-why-it-matters/>
- Council of Europe. (1949). Statute of the Council of Europe, <https://rm.coe.int/1680306052>
- Council of Europe. (2021). EU human rights, democracy, and rule of law: From concepts to practice. Council of Europe, https://gmr.lbg.ac.at/wp-content/uploads/sites/12/2021/09/deliverable-3.2_eu_human_rights_democracy_and_rule_of_law.pdf
- Council of Europe. (2023). Values. Council of Europe, <https://www.coe.int/en/web/about-us/values>
- Council of Europe. (2024). The rule of law. Council of Europe, <https://www.europewatchdog.info/en/council-of-europe/core-values/rule-of-law/>
- Croce, B. (1913). *The Philosophy of Giambattista Vico* (tr. by R. G. Collingwood). Howard Latimer.
- Delanty, G., & Plant. (2019). *Formations of European modernity*. Springer International Publishing.
- Deligiorgi, K. (2012). *The scope of autonomy: Kant and the morality of freedom*. Oxford University Press.

- Descartes, R. (2008 [1641]). *Meditations on First Philosophy* (tr. by M. Moriarty). Oxford University Press.
- Diehl, S. (2020, August 2). Deconstructing the worldview of Peter Thiel. Stephen Diehl, https://www.stephendiehl.com/posts/deconstructing_thiel/
- Douglass, R. (2023). Rousseau and Hobbes: Nature, free will, and the passions. *Political Theory* 51(2): 1–25.
- Dworetz, S. M. (1989). *The unvarnished doctrine: Locke, liberalism, and the American revolution*. Duke University Press.
- Eisenstadt, S. N. (1999). *Fundamentalism, sectarianism, and revolution: The Jacobin dimension of modernity*. Cambridge University Press.
- Eisenstadt, S. N. (2005). Modernity in socio-historical perspective. In: Eisenstadt, S. N., Ben-Rafael, E., & Sternberg, Y. (Eds.). *Comparing Modernities. Pluralism Versus Homogeneity*. Brill, 31–56.
- Embry, B. (2015). Descartes on free will and moral possibility. *Philosophy Compass* 10(8): 535–545.
- European Commission. (2024). Enlightenment 2.0 Research Programme. Knowledge for Policy. https://knowledge4policy.ec.europa.eu/projects-activities/enlightenment-20-research-programme_en
- Fazi, T. (2025, February 15). JD Vance’s Munich speech was full of contradictions. UnHeard, <https://unherd.com/newsroom/jd-vances-munich-speech-was-full-of-contradictions/>
- Fine, T. (2024, July 26). J.D. Vance Is Silicon Valley’s Trojan Horse in Its War on What’s Left of American Democracy. *The Independent*, <https://independent.org/2024/07/j-d-vance-is-silicon-valleys-trojan-horse-in-its-war-on-whats-left-of-american-democracy/>
- Fornusek, M. (2025, March 2). Hungary, Slovakia threaten EU unity on Russia, Ukraine ahead of key summit. *The Kyiv Independent*, <https://kyivindependent.com/hungary-slovakia-threaten-eu-unity-on-russia-ukraine-ahead-of-key-summit/>
- Foucault, M. (1986). Kant on enlightenment and revolution. *Economy and Society* 15(1): 88–96.
- Gallagher, D. M. (1991). Thomas Aquinas on the will as rational appetite. *Journal of the History of Philosophy* 29(4): 559–584.
- Gardner, F. (2025, February 15). JD Vance's blast at Europe ignores Ukraine and defence agenda. BBC, <https://www.bbc.com/news/articles/c4g9nmeyzkjo>
- Gaukroger, S. (2011). René Descartes. In: Bernecker, S., & Pritchard, D. (Eds.). (2011). *The Routledge companion to epistemology*. Routledge, 678–686.
- Gauthier, D. P. (1969). *The logic of Leviathan: the moral and political theory of Thomas Hobbes*. Oxford University Press.
- Geenens, R., & Rosenblatt, H. (Eds.). (2012). *French liberalism from Montesquieu to the present day*. Cambridge University Press.
- Gemes, K., & Janaway, C. (2012). Schopenhauer and Nietzsche on Pessimism and Asceticism. In Vandenabeele, B. (Ed.). (2012). *A companion to Schopenhauer*. Wiley-Blackwell, 280–299.
- Gevorkyan, S., & Segovia, C. A. (2020). Post-Heideggerian Drifts: From Object-Oriented-Ontology Worldlessness to Post-Nihilist Worldings. *Das Questões. Filosofia Tradução Arte* 9(1): 3–18.
- Ghervas, S. (2021). *Conquering Peace: From the Enlightenment to the European Union*. Harvard University Press.

- Giesen, K. G. (2018). Transhumanism as the dominant ideology of the fourth industrial revolution. *Journal international de bioéthique et d'éthique des sciences* (3): 189–203.
- Gilroy, P. (2019). Agonistic belonging: The banality of good, the 'alt right' and the need for sympathy. *Open Cultural Studies* 3(1): 1–14.
- Girard, R. (2012). *Resurrection from the Underground: Feodor Dostoevsky* (tr. by J. G. Williams). Michigan State University Press.
- Greeson, J. (2013). American Enlightenment: The New World and Modern Western Thought. *American Literary History* 25(1): 6–17.
- Guyer, P. (2003). Kant on the theory and practice of autonomy. *Social philosophy and policy* 20(2): 70–98.
- Guyer, P. (2015). Kant and the Moral Politicians. In: Demetriou, K. N., & Loizides, A. (Eds.). *Scientific Statesmanship, Governance and the History of Political Philosophy*. Routledge, 116–136.
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society* (tr. by T. McCarthy). Beacon Press.
- Habermas, J. (1987). *The Theory of Communicative Action, Volume 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason* (tr. by T. McCarthy). Beacon Press.
- Hamilton, A., Madison, J., and Jay, J. (2016 [1787-1788]). The federalist papers. In Blaug, R., & Schwarzmantel, J. (Eds.). *Democracy: A reader*. Columbia University Press, 52–57.
- Hanlon, A. R. (2025, January 13). Peter Thiel's twisted vision for the Trump presidency. *New Republic*, <https://newrepublic.com/article/190129/peter-thiel-truth-reconciliation-trump-internet>
- Heath, J., Moriarty, J., & Norman, W. (2010). Business Ethics and (or as) Political Philosophy. *Business Ethics Quarterly* 20(3): 427–452;
- Hegel, G. W. F. (1991 [1820]). *Elements of the philosophy of right* (tr. by H. B. Nisbet). Cambridge University Press.
- Hendlin, Y. H. (2023). Object-oriented ontology and the other of We in anthropocentric posthumanism. *Zygon®* 58(2): 315–339.
- Herder, J. G. (2023 [1774]). *Another Philosophy of History and Selected Political Writings* (tr. by I. D. Evrigenis & V. M. Pellerin). Hackett Publishing.
- Hewitt, J. T. T. (2014). *Dark Ecologies of Knowledges: A Postphenomenological Approach to Architectonics as Terraprocess*. University of California Press.
- Hirshman, A. (1970). *Exit, Voice, and Loyalty*. Harvard University Press.
- Hobbes, T. (1973 [1642]). *De cive*. Apud Danielem Elzevirium.
- Hobbes, T. (2016 [1651]). *Leviathan*. Routledge.
- Höffe, O. (Ed.). (2004). *Immanuel Kant: Zum ewigen Frieden 2*. A. Akademie Verlag.
- Hoffmann, T. (2013). *Wille und Entwicklung: Problemfelder–Konzepte–Pädagogisch-psychologische Perspektiven*. Springer-Verlag.
- Honneth, A. (1995). *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts* (tr. by J. Anderson). Polity Press.
- Honneth, A. (2014). *Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life* (tr. by J. Ganahl). Columbia University Press.
- Honneth, A. (2017). *The Idea of Socialism: Towards a Renewal* (tr. by J. Ganahl). Polity Press.

- Horkheimer, M., & Adorno, T. W. (1997 [1944]). *Dialectic of Enlightenment* (tr. by E. Jephcott). Stanford University Press.
- Hughes, J. (2010). Contradictions from the enlightenment roots of transhumanism. *Journal of Medicine and Philosophy* 35(6): 622–640.
- Hume, M. (2025, February 17). We stand with JD Vance versus Europe's 'enemy within'. *European Conservative* Retrieved from <https://europeanconservative.com/articles/commentary/we-stand-with-jd-vance-versus-europes-enemy-within/>
- Israel, J. (2013). *Democratic enlightenment: philosophy, revolution, and human rights 1750-1790*. Oxford University Press.
- Ivison, D. (2004). Locke, liberalism and empire. In: Anstey, P. R. (Ed.). *The Philosophy of John Locke*. Routledge, 86–105.
- Iyengar, R., & Abadi, C. (2025, February 19). Vance Has ‘Got a Point’. Austrian Chancellor Alexander Schallenberg on the U.S. vice president’s now-infamous Munich speech—among other things. *Foreign Policy*, <https://foreignpolicy.com/2025/02/19/austria-alexander-schallenberg-munich-msc-trump-europe-vance-speech/>
- Jackson, V. (2022). Left of liberal internationalism: Grand strategies within progressive foreign policy thought. *Security Studies* 31(4): 553–592.
- Jacobi, F. H. (2013 [1785]). *The Main Philosophical Writings and the Novel Allwill* (tr. by G. di Giovanni). McGill-Queen’s University Press.
- Jefferson, T. (2007 [1776]). The declaration of independence. In Jefferson, T., Kindervater, G., & Hardt, M. (Eds.). *The declaration of independence*. Verso, 2–10.
- Jönsson, H. (2025, February 19). Att erkänna Europas problem är inte “putinvänligt”. *Göteborgs-Posten*, <https://www.gp.se/ledare/gastkolumn/att-erkanna-europas-problem-ar-inte-putinvanligt.0e6b8e21-2358-4e05-964b-289c2ad580f7>
- Kant, I. (2003 [1785]). *Groundwork for the metaphysics of morals* (tr. by A. W. Wood). Yale University Press.
- Kant, I. (2017 [1784]). *An Answer to the Question “What Is Enlightenment?”*. Delphi Classics.
- Kidd, B. (2024). Benjamin Franklin and the American Enlightenment. *Bill of Rights Institute*, <https://billofrightsinstitute.org/essays/benjamin-franklin-and-the-american-enlightenment>
- Krastev, I. (2025, February 28). Europe should hijack Trump’s revolutionary plans for the world. *Financial Times*, <https://www.ft.com/content/3507673c-f599-4547-9455-bf698a425bc7>.
- Land, N. (2011). *Fanged noumena: Collected writings 1987-2007*. MIT Press.
- Land, N. (2012). *The Dark Enlightenment*, <http://www.thedarkenlightenment.com/thedark-enlightenment-by-nick-land/>
- Land, N. (2014). *Teleoplexy: Notes on Acceleration*. In R. Mackay & A. Avanesian (Eds.), *#Accelerate: The Accelerationist Reader*. Urbanomic, 509–520.
- Land, N. (2016a, October 17). The ‘F’ Word. *Daily Caller*, <https://dailycaller.com/2016/10/17/the-f-word/>
- Land, N. (2016b). *Dragon Tales: Glimpses of Chinese Culture*. Urbanatomy Electronic.
- Land, N. (2022). *Dark Enlightenment*. Imperium Press.
- Land, N. (2024). *Xenosystems*. Passage Publishing.

- Land, Nick (2017, May 25). A Quick-and-Dirty Introduction to Accelerationism. *Jacobite Magazine*, <https://web.archive.org/web/20180113012817/https://jacobitemag.com/2017/05/25/a-quick-and-dirty-introduction-to-accelerationism/>
- Laruelle, M. (2025, March 23). 'JD Vance's illiberalism doesn't just criticize liberal and progressive values, it advances a real political project'. *Le Monde*, https://www.lemonde.fr/en/opinion/article/2025/02/25/jd-vance-s-illiberalism-doesn-t-just-criticize-liberal-and-progressive-values-it-advances-a-real-political-project_6738536_23.html
- Lewis-Kraus, G. (2025, February 19). The Palantir Guide to Saving America's Soul. *The New Yorker*, <https://www.newyorker.com/books/under-review/the-palantir-guide-to-saving-americas-soul>
- Liste, P. (2025, March 12). Transnational disruption: On the meaning of J.D. Vance's Munich speech. *Critical Legal Thinking*, <https://criticallegalthinking.com/2025/03/12/transnational-disruption-on-the-meaning-of-j-d-vances-munich-speech/>
- Locke, J. (1993 [1689]). *An essay concerning human understanding*. Everyman.
- Locke, J. (2020 [1689]). *First treatise of government*. Strelbytskyy Multimedia Publishing.
- Losonsky, M. (2001). *Enlightenment and action from Descartes to Kant: Passionate thought*. Cambridge University Press.
- Lubin, G. (2016, December 8). Peter Thiel is trying to save the world: The apocalyptic theory behind his actions. *Business Insider*, <https://www.businessinsider.com/peter-thiel-is-trying-to-save-the-world-2016-12>
- Maftei, S.-S. (2013). “Nothingness or a God”: Nihilism, Enlightenment, and “Natural Reason” in Friedrich Heinrich Jacobi’s works. *Meta: Research in Hermeneutics, Phenomenology, and Practical Philosophy* 5(2): 279–297.
- Marcuse, H. (1964). *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Beacon Press.
- Martinich, A. P. (2003). *The two gods of Leviathan: Thomas Hobbes on religion and politics*. Cambridge University Press.
- McDonald, J. (2013). *Rousseau and the French Revolution 1762-1791*. Bloomsbury Publishing.
- Minakov, M. (2018). *Development and dystopia*. ibidem.
- Minakov, M. (2022). *Dialettica della modernità nell'Europa orientale: una riflessione socio-filosofica*. Ledizioni.
- Moauo, L. (2023). Spinoza on freedom, feeling free, and acting for the good. *Philosophical Investigations* 46(3): 123–145.
- Montesquieu, C. de S. (2002 [1748]). *The spirit of the laws*. Cambridge University Press.
- Montesquieu, C. de. (1989 [1748]). *The spirit of the laws* (tr. by Cohler, A. M., Miller, B. C., & Stone, H. S.). Cambridge University Press.
- Morgan, G. (2010). Enlightenment, enlargement, and the European Union. *Dissent* 57(3): 114–118.
- Mubig, U. (2009). At the roots of European legal culture: cross-border influences of Locke and Montesquieu. *Fundamina: A Journal of Legal History* 15(2): 112–135.
- Mueller, C. L. (1994). Enlightened Absolutism. *Austrian History Yearbook* 25: 159–183.
- Nietzsche, F. (2023 [1882]). *The Gay Science* (tr. by W. Kaufmann). Vintage.

- Outram, D. (2019). Enlightenment struggles. In: Dixon, C. S., Kümin, B. (Eds.). *Interpreting Early Modern Europe*. Routledge, 417–442.
- Overhoff, J. (2000). *Hobbes's theory of the will: Ideological reasons and historical circumstances*. Rowman & Littlefield.
- Paul, E. F., Miller, F. D., & Paul, J. (Eds.). (2005). *Natural rights liberalism from Locke to Nozick*. Cambridge University Press.
- Pearson, A. (2025, February 18). JD Vance's courageous lecture on migration has shamed our politicians. *The Telegraph*, <https://www.telegraph.co.uk/news/2025/02/18/jd-vances-hard-truths-migration-shamed-europe/>
- Perell. (n.d.). Peter Thiel: Uncommon Knowledge. Perell, n.d., <https://perell.com/essay/peter-thiel-interview/>
- Petrik, J. M. (1990). *Meditations on the will: A critical exposition and analysis of Rene Descartes' theory of the will* [Doctoral dissertation, Marquette University]. ProQuest Dissertations Publishing.
- Politico. (2024, April 7). Leader of the pro-Trump Project 2025 suggests there will be a new American Revolution. *Politico*, <https://www.politico.com/news/2024/07/04/leader-of-the-pro-trump-project-2025-suggests-there-will-be-a-new-american-revolution-00166583>.
- Pompa, L. (1975). *Vico: A Study of The New Science*. Cambridge University Press.
- Potofsky, A. (2002). French Lumières and American Enlightenment during the Atlantic Revolution. *Revue française d'études américaines* 92(2): 47–67.
- Potter, P. B. (1949). The Statute of the Council of Europe. *American Journal of International Law* 43(3): 501–503.
- PubMed. (2022). The Progressive Values Scale: Assessing the ideological schism on the left. *PubMed*, <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35678013/>
- Radical Reads. (2023, August 29). Peter Thiel's Top 6 Books That Predict the Future. *Radical Reads*, <https://radicalreads.com/peter-thiel-favorite-books/>
- Read, J. (2018). Rousseau, Robespierre, and the French Revolution. *Athene Noctua: Undergraduate Philosophy Journal* 5: 1–5.
- Reck, A. J. (1991). The Enlightenment in American Law II: The Constitution. *The Review of Metaphysics* 44(4): 729–754.
- Recommendations. (2024, October 26). 35 books Peter Thiel mentioned, ranked! *Recommendations*, <https://recommendations.com/peter-thiel/books/>
- Reddit. (2024, December 27). What is the difference between leftist, liberal, progressive. https://www.reddit.com/r/AskALiberal/comments/1hn456t/what_is_the_difference_between_leftist_liberal/
- Rescher, N. (2014). *Metaphilosophy: Philosophy in Philosophical Perspective*. Lexington Books.
- Robinson, B. (2019, December 17). The new moat in financial services (and why Peter Thiel, not Warren Buffett, is the investment wizard). *Medium*, <https://medium.com/aperture-hub/the-new-moat-in-financial-services-and-why-p-thiel-not-w-buffett-is-the-new-investment-wizard-160b1c85f823>
- Rousseau, J. J. (2018 [1762]). *The Social Contract and other later political writings*. Cambridge University Press.
- Rousseau, J.-J. (2004 [1762]). *The social contract* (tr. by M. Cranston). Penguin Classics.

- Schneewind, J. B. (2004). Kant on the will. In Pink, T., & Stone, M. W. F. (Eds.). *The will and human action: from antiquity to the present day*. Routledge, 162–180.
- Schopenhauer, A. (2023 [1818]). *The World as Will and Representation* (tr. by J. Norman & A. Welchman). Cambridge University Press.
- Seagrave, S. A. (2015). Locke on the Law of Nature and Natural Rights. In: Stuart, M. (Ed.). (2015). *A companion to Locke*. John Wiley & Sons, 371–393.
- Smith, H., & Burrows, R. J. (2021). Software, sovereignty and the post-neoliberal politics of exit. *Theory, Culture and Society* 38(6): 143–166. <https://doi.org/10.1177/0263276421999439>
- Smoliar, P. (2025, February 11). Trump’s counter-revolutions are already changing the face of the US. *Le Monde*, https://www.lemonde.fr/en/international/article/2025/02/11/trump-s-counter-revolutions-are-already-changing-the-face-of-the-us_6738040_4.html.
- Spinoza, B. (2004 [1670]). *Theologico-political treatise*. Hackett Publishing.
- Spinoza, B. (2016 [1677]). *Ethics* (tr. by M. Silverthorne & E. Curley). Princeton University Press.
- Spinoza, B. (2018 [1677]). *Treatise on the Emendation of the Intellect*. Hackett Publishing.
- Stepinova, M. (2011). Aquinas' solution of Aristotle's incontinent man and Augustine's two wills. *New blackfriars* 92: 322–340.
- Stewart, M. (2009). *The Management Myth: Debunking Modern Business Philosophy*. WW Norton & Company.
- Strauss, L. (1952). On Locke's doctrine of natural right. *The Philosophical Review* 61(4): 475–502.
- Stünkel, K. M. (2024). *Key Concepts in the Study of Religions in Contact*. Brill.
- Swenson, J. (2024). A shared capacity account of Rousseau’s general will. *Philosophy of Mind and Politics* 14(1): 45–67.
- Taheri, M. (2025, January 18). Who Is Curtis Yarvin? Conservative Linked to JD Vance Wants ‘Monarchy’. *Newsweek*, <https://www.newsweek.com/who-curtis-yarvin-conservative-linked-jd-vance-wants-monarchy-2017221>
- Thiel, P. (2007). *The Straussian Moment*. In: Hamerton-Kelly, R. (Ed.). *Politics and Apocalypse*. Michigan State University Press, 189-218.
- Thiel, P. (2009a, April 13). *The Education of a Libertarian*. *Cato Unbound*, <https://www.cato-unbound.org/2009/04/13/peter-thiel/education-libertarian>
- Thiel, P. (2009b, May 1). *Your Suffrage Isn’t in Danger. Your Other Rights Are*. *Cato Unbound*, <https://www.cato-unbound.org/2009/05/01/peter-thiel/suffrage-isnt-danger-other-rights-are/>
- Thiel, P. (2014, September 12). *Competition is for losers*. *The Wall Street Journal*, <https://www.wsj.com/articles/peter-thiel-competition-is-for-losers-1410535536>
- Thiel, P. (2025, January 10). *A time for truth and reconciliation*. *Financial Times*, <https://www.ft.com/content/a46cb128-1f74-4621-ab0b-242a76583105>
- Thiel, P., & Masters, B. (2014). *Zero to one: Notes on startups, or how to build the future*. Crown Currency.
- Vance, J. D. (2025, February 14). *FULL TRANSCRIPT: VP JD Vance Remarks at the Munich Security Conference*. *The Signju Post*, <https://singjupost.com/full-transcript-vp-jd-vance-remarks-at-the-munich-security-conference/?singlepage=1>
- Ventura, L. (2023). Herder’s insights on the “modern” justification of war. *Mimesis Journal* 12(1): 161–178.

- Vico, G. (2002 [1725]). *The First New Science* (tr. by D. Marsh). Penguin classics.
- Von Kulesa, R., & Seth, C. (2017). *The Idea of Europe: Enlightenment Perspectives*. Open Book Publishers.
- Walsh, J. (2018). Locke's last word on freedom: Correspondence with Limborch. *Res Philosophica* 95(4): 637–661.
- Weigel, M. (2020, July 10). Palantir Goes to the Frankfurt School. *b2o: An Online Journal*, <https://www.boundary2.org/2020/07/moira-weigel-palantir-goes-to-the-frankfurt-school/>
- Wood, G. S. (2006). The American Enlightenment. In McDowell, G., & O'Neill, J. (Eds.). *America and Enlightenment constitutionalism*. Springer, 159–175.
- Xinhua. (2025, February 16). World Insights: U.S. VP's speech in Munich sparks European backlash, widening transatlantic rifts. *Xinhua News*, <https://english.news.cn/20250216/43de3bf82a6c4b94875c41d8aff0395b/c.html>
- Yarvin, C. (2015). A Gentle Introduction to Unqualified Reservations. *Unqualified Reservations*.
- Yarvin, C. (2016). The DAO as a lesson in decentralized governance. *Urbit*, <https://urbit.org/blog/dao>
- Yarvin, C. (2022, March 31). The Cathedral or the Bizarre. *Tablet*, <https://www.tabletmag.com/sections/news/articles/the-cathedral-or-the-bizarre>
- Yarvin, C. (2025, January 18). 'The Interview': Curtis Yarvin Says Democracy is Done. *The New York Times*, <https://www.nytimes.com/2025/01/18/magazine/curtis-yarvin-interview.html>